

Пусть настроение всегда будет солнечным!

Татьяна Веденская

РЫЦАРЬ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

Татьяна Веденская

Рыцарь нашего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6738592

Татьяна Веденская. Рыцарь нашего времени: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-63425-5

Аннотация

О, этот восхитительный мир телевидения! Сколько людей мечтает переступить порог Останкино! Сколько девушек готовы все отдать, лишь бы появиться на экране! А вот Ирине Волховой этот мир неинтересен. Поэтому и к знакомству с продюсером Григорием Ершовым она отнеслась с оскорбительной для него прохладцей. Как ни обидно ему было признавать, именно он стал зависим от этой яркой женщины. Какую власть имеет человек, который ничего не просит! А может, это такая стратегия у Ирины?

Содержание

Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	72
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Татьяна Веденская

Рыцарь нашего времени

Все события, описанные в книге, являются вымышленными. Любое совпадение или частичное совпадение имен, названий организаций и/или служб, так же как и ситуаций, является случайным и ненамеренным.

Данное художественное произведение предназначено для чтения лиц старше 18 лет.

Автором обдуманы и использованы идеи и мысли, высказанные радиослушателями программы «Школа Бестселлера», утреннего шоу «Пионерская зорька» «Радио «Мир».

Отдельная благодарность Инне Поцелуевой. Экскурсия в «Стакан» была фантастической. И конечно, я у тебя в неоплатном долгу за кружечку!

Автор выражает глубокую искреннюю благодарность всем, участвовавшим в проекте, руководству «Радио «Мир», Татьяне Кильбург, Владимиру Владимировичу П., астрологу Надежде Сташиной и всем ведущим «Пионерской зорьки» – Паше, Инне (еще раз), а также Володе Вахрушеву, который любезно согласился стать моей музой. Это было здорово!

Жизнь неповторима и непредсказуема. Каждый прожитый день – целая книга. Самое интересное для меня – эти книги читать и... писать. Я пишу о жизни и о любви, и это не самая простая тема. Но для нас, женщин, главная, верно? И награда для меня – улыбки на лицах моих читательниц. «Ваши книги дарят чувство радости, они светлые, как теплый солнечный день. После таких книг хочется жить и любить!» Для меня слышать такое – главное чудо. Ради таких минут и

живет писатель.

Татьяна Веденская

www.vedenska.ru

«Это был эксперимент. Эксперимент рискованный, но интересный: написать книгу в прямом эфире с участием слушателей радио «МИР». Что из этого вышло – судить вам. Скоро радиороман появится и в звуке. Роли главных героев в нем озвучат ваши любимые ведущие «Пионерской зорьки». Следите за рекламой!»

Дмитрий Кувишинчиков, директор радиостанции «МИР»

Не книжки, а солнечный зайчик, маячок. Автор ведет героиню и читателя от неустроенности к настоящему счастью! Мне казалось, у нас таких книг писать не умеют, только за рубежом. Оказалось – есть свои, и не хуже. Очень понравилось.

Пушкарева Екатерина, www.ozon.ru

В романах Татьяны Веденской все как в жизни – нет розово-карамельного представления. Зато есть оптимистичный взгляд на жизнь! Есть некоторое послание, убеждающее нас в том, что даже если сегодня все плохо, то завтра или послезавтра все обязательно наладится!

Пронина Елена, www.ozon.ru

Посоветовал кто-то мужу... прочитать первый роман Татьяны Веденской – о том, как героиня работала в

агентстве по недвижимости. Когда я увидела своего мужа с женским романом в руках, долго смеялась и сказала, что он совсем дошел до ручки. А потом сама зачиталась этим романом и купила все остальные книги.

Анна, <http://ivona.bigmir.net/>

Часть 1

Остров разбитых надежд

Глава 1

Кара небесная

Времена изменились. Это произошло как-то незаметно, само собой, по капельке, по глоточку текилы, а я даже не успел хорошенько осознать, что случилось. Все, вроде, было хорошо, пока вдруг однажды не развалилось, как картонный домик. Запаса прочности не хватило, несущая конструкция обрушилась, и теперь я сидел напротив Димули, смотрел сквозь большое грязное стекло на светяющееся небо и делал все возможное, чтобы не показать того, что происходит у меня внутри. Димуле это незачем знать.

За окном почти рассвело, и все, что имелось на «полвторого» – пластиковые столики, стулья, даже банкомат, – все теперь было подсвечено каким-то неприятно серым и тусклым светом. Ничего не понимает природа в освещении интерьеров. Никакого ракурса, никакого фокуса. То ли дело, когда работают софиты. Впрочем, о чем это я. Какие-то глупые «недомысли» лезут в голову, когда надо бы уже сосредоточиться и подумать о чем-то важном. О том, что происходит.

О том, что мне говорят.

Мы сидим за столиком у окна, на «полвторого» теперь можно вполне прилично посидеть. Димуля курит одну сигарету за другой. Нервничает. Я тоже хочу курить, но принятое накануне решение мешает. Не хочу, вдобавок ко всему, почувствовать себя слабаком, который и дня не может обойтись без этой соски. Я собирался бросить курить уже пару лет, но все как-то не доходили руки. Дела, дела, перекуры. Кашель по утрам и вечерам, и даже когда начинаю громко, вздохом смеяться. Я курил много, как и все тут, в «Стакане». Останкино – одна большая пепельница, и не курить тут считается дурным тоном.

Димуля продолжает вещать. Он говорит и говорит, и нет никакой надежды на то, что он замолчит сам собой, по доброй воле. Мы сидим друг напротив друга, я задумчиво смотрю прямо ему в глаза, а он от этого нервничает и говорит еще громче и еще быстрее. Уже прозвучало банальное *«это же не я решаю, Гриня»*, и *«если бы только это зависело от меня»*. Просто удивительно, как много у него имеется в запасе этих чудовищных фраз-заготовок на такие случаи. Когда только успел накопить? И главное – зачем ему понадобилось столько слов? Все же намного проще. Он просто решил меня кинуть. И даже не просто решил, он меня уже кинул. Димуля, мой старинный друг, человек, с которым мы вместе работали на телевидении, буквально бок о бок, больше десяти лет, решил обойтись без меня. Все было просто до невоз-

возможности, но я буквально отказывался верить своим ушам.

– Может, тебе взять отпуск? – спросил он и, наконец, заткнулся.

– Отпуск? – Я повторил его последнее слово и отметил про себя, что большая часть сказанного им вылетела из моей головы, не задержавшись и на миг. Проект, о котором шла речь, я «высиживал» весь последний год. Перебраться на один из крупнейших федеральных каналов, получить заказ на производство цикла программ из серии «Вся правда о...» на пару лет вперед – это была моя мечта. Снимать репортажи, перетрясая грязное белье крупных и мелких звезд нашего родного шоу-бизнеса, – сегодня это самая актуальная тема. «Колбаски популярности» зашкаливают. Финансирование – самое что ни на есть широкое и мощное. Один этот контракт – и можно было бы смело почивать на лаврах. И на деньгах, конечно, тоже. Как так получилось, что владельцы канала предпочли работать с моим замом, а не со мной, я понять не мог. Дима тоже объяснял этот феномен как-то витиевато и расплывчато, намекал на сведения со мной каких-то личных счетов. Обещал при первой же возможности меня перетянуть. Мне же было смешно от одной мысли о том, чтобы Димуля меня куда-то перетягивал. Позвольте, это же Димуля! Он же... не то чтобы тупой, а все же не сказать, чтобы блистал умом. Доверить ему продюсировать праймовую передачу – страшно даже подумать, что это будет!

– Да, отпуск. Взять одну из твоих бесконечных длинноногих подружек и махнуть на Мальдивы, – Димуля улыбнулся ободряюще и запихнул в рот остатки пирожного. Его пухлые пальчики были перемазаны шоколадом, эклер был теплым и совсем бесформенным. Такое и есть-то не стоило, но Димулю это не волновало, он даже пальцы облизал.

– И когда начинаете? – поинтересовался я, злясь на самого себя. Мне бы надо вообще забыть обо всем этом и двигаться дальше. Выкинуть все из головы и начать что-то новое. Только вот... не так-то просто это, когда тебя выкидывают за борт без объяснения причин. И берут на твое место Димулю.

Не поймите неправильно, Дима Кара – неплохой помощник. За все эти годы я практически адаптировал его к поставленным задачам и свел потенциальные ляпы к минимуму. Мы вместе начинали, нас связывают в тугой узел привязанности юности, общие воспоминания. Но чтобы генеральным продюсером... Не меня. Димулю Кару. Странно. Все-таки времена изменились безвозвратно.

Димуля ничего не умеет, кроме как молоть чушь, организовывать доставку приглашенных на съемку звезд и обзывать нужных людей. Он никогда в жизни не принимал ни одного решения, но самое главное – никогда не мог отличить хорошего материала от плохого, хорошую идею от плохой. Так же как не различал просто красивых девок от девок талантливых, с изюминкой, оценивая их всех только по длине ног. И вот, пожалуйста, его взяли, а меня – нет.

Более того, его взяли с условием, что он работает без меня. Иными словами, руководство канала дало понять нашему «продакшену», что с Димулей Карой они готовы и будут работать, а со мной – нет. Личная месть? Да я никого там в глаза не видел, кроме, разве, Макса Канаева, да и тот Димулю терпеть не может. Может, я с чьей-то женой переспал и не заметил? В принципе, мог. Надо бы уже завязывать со свободной любовью. Но кто в наше время мешает бизнес с личными обидами?

Варианты приходили в голову и исчезали без следа. Все было как-то странно и дико, и я не собирался мараться, разбираясь в этом дерьме. Если хотите, можете считать, что я гордый. Или дурак. Но правда в том, что я как-то подустал. Стало трудно работать по три дня без сна и отдыха. И курить надо бросать. Я тряхнул головой и покосился на лежащую на столе пачку сигарет. Удержался, но с трудом.

– Слушай, я поеду, а? – пробормотал я.

– Ты... ты не злись, я еще посмотрю там на месте, может, удастся что-то сделать.

– У меня все равно есть другое предложение, я его уже практически принял. Буду работать на Эрнста, а твои потом сами прибегут, – отмахнулся я. Хорошая мина при плохой игре, но Димуля и этого не понимает. Тут, в «Стаканкино», всегда и для всех имеются предложения. Широкий выбор проектов, стартуют шоу или ищут денег и возможностей для старта. Закрытая тусовка внутри охраняемого полицией

пространства фланирует из проекта в проект на почти одних и тех же условиях, работая с одними и теми же редакторами, массовой, звездным набором гостей, креативщиками, копирайтерами и так далее. Конечно, у меня были предложения. Я мог заняться выпуском серии документальных фильмов о частных музеях России. Меня с распростертыми руками ждали на новом проекте о вымирающих животных, и я могу хоть завтра начать продюсировать бесконечный цикл о том, как правильно выращивать, пересаживать и перекапывать огороды – ее как раз заказали на одном кабельном канале. И деньги не плохие. Но и не хорошие. И уж точно не Эрнст.

– Я даже не сомневаюсь, что ты не пропадешь. Скорее, я без тебя пропаду, – вздохнул Димуля, и в глазах у него промелькнула паника. – А что за проект?

– Потом как-нибудь расскажу, – замотал головой я. – Устал. Поеду домой.

– Это да, отдыхай. Я тебе потом позвоню, – многозначительно закивал Димуля. Уж что-что, а нагнать важности он умел. Больше ничего не умел. Я одного понять не мог, как он сам-то не «втыкает», что не поднимет без меня такой проект, как «Вся правда о...». «Поезжай в отпуск!» Да пошел ты, Димуля! Ты будешь говорить, что мне делать? Да ты без меня сам первый все запорешь, и потом тебе умные люди обязательно скажут, что ты должен был отказаться, раз твоего шефа не брали. А ты согласился. А, Димуля, кто ты после

этого? Правда, я сам теперь был – ни пойми кто. Буду теперь снимать розыгрыш «угадай слово из семи букв, на «ля» начинается, на «гушка» кончается, первому дозвонившемуся – чемодан денег».

– Ладно, звони, – я встал и пошел к широкой лестнице, которая вела с «полвторого» на первый этаж. Забавно, как у нас тут, в «Останкино», все устроено. У всех нормальных людей есть первый этаж, есть второй. А у нас и «полвторого», и даже «полчетвертого». Если хорошенько пошукать, можно и этажи «с четвертью» найти, и какие-нибудь странные тупики, из которых выход разве что в параллельный мир.

– Ты же понимаешь, что я сделал все, что мог?! – с каким-то смешным и нелепым отчаянием спросил Димуля.

– Ну, конечно! – обернувшись уже на лестнице, язвительно усмехнулся я. Мне вдруг так захотелось домой. Это желание меня охватывает нечасто, но тут мне вдруг отчаянно захотелось отключиться от всего, замотаться в мое одеяло с черным пододеяльником и отрубиться часов на двадцать пять. И чтобы никаких звонков, никаких вопросов. Я и так уже сижу тут второй день, без сна и отдыха. Да, что-то поменялось. Раньше я мог неделями работать, отсыпаясь по паре часов в координации. А сейчас не могу. И не хочу. Ничего не хочу, надо же! Наверное, кризис. Тридцать пять лет – самое время, да?

Тут, в нашем Зазеркалье, время летит стремительно и

незаметно. И если бы я даже захотел, то не вспомнил бы этих десяти лет. Один стремительный поток из бессонных ночей, суевливых дней, лиц, улыбок, матерных шуток и перекуров. Моя жизнь. И я бы не хотел променять ее ни на что другое. Телевидение – кладбище надежд, и каждый, входящий сюда с мечтой в подмышке, оставляет ее на пороге и никогда не возвращается за ней. Никто отсюда не уходит. Никто не любит того, что здесь есть. Но никто и представить себе не может, что существует там, за бортом этого Летучего Голландца. Я знаю людей, которые провели в прокуренных останкинских стенах всю жизнь. Еще детьми играли там, сидя на кофрах с оборудованием. Они делали уроки, пристроившись в диспетчерской, у дежурных операторов. Они учились тут же, пренебрегая дипломами, у своих родителей и их друзей. У них, как и у меня, очень бледный цвет лица из-за нехватки солнечных лучей. Они влюблялись и женились здесь же, а потом у них рождались дети, для которых мир тоже ограничивался бесконечными студиями и коридорами. Телевидение – целая жизнь. И эта жизнь вдруг выкинула меня на берег, как рыбу, оставив беспомощно ловить ртом губительный воздух.

– Гришка, ты? – окликнул меня кто-то у проходной. Я помнил лицо, но не помнил имени мужчины в джинсах и кожаной куртке. Кажется, мы работали вместе над судебным шоу. Или нет?

– О, привет! – я не столько протянул, сколько с усилием

бросил ему руку.

– Привет, привет. А ты чего такой...

– Какой?

– Не знаю, – он пожал плечами и уже, кажется, пожалел, что начал этот разговор. Понятно, о чем он. Да, я выгляжу не лучшим образом. Просидел тут почти два дня, пиджак помялся, футболку заляпал соком, а джинсы стоило постирать еще до того, как я сюда приехал. Я устал. Устал следить за имиджем, устал думать о том, кто и что обо мне подумает. В конце концов, тут, на телике, чем хуже ты выглядишь, тем более креативным кажешься. Странная пропорция, но вы бы видели наших ведущих корреспондентов. Главное, чтобы шмотки были трендовые. А мятые они или нет – не важно. Мятые даже круче.

– А не знаешь, и не говори. Сам-то как? Все вязнешь в нашем болоте? – я сделал над собой усилие и улыбнулся.

– Все вязну. Ну, увидимся, – он пожал мне руку и рванул по коридору. Его рабочий день только начинался. Я показал удостоверение и вышел на улицу. Неожиданно теплый майский ветер вдруг растрепал волосы. Да, пора стричься. Наплевать. Делать дерьмовые шоу можно и так. Май, неужели уже опять май? Черт, действительно летит время. Я провёл взглядом по уходящей в небеса массивной, серой, монументальной Останкинской телебашне, в простонародье – Игле. Телевидение – наркотик, отказаться от которого почти невозможно. Пожалуй, буду делать фильмы о музеях. О жи-

вотных не хочу – еще придется выезжать в какие-нибудь дебри дикие, не дай бог, в Сибирь или в Карелию, комаров кормить. Уж лучше о музеех. Ладно, подумаю потом. А пока – я сел в машину и велел шоферу везти меня домой.

* * *

– Гришечка, ты вернулся! – радостно улыбалась она. Степень ее счастья была обратно пропорциональна моему изумлению. Я стоял, как соляной столп, не в силах вымолвить ни слова, не в состоянии в полной мере постичь этот странный факт – меня дома ждет девушка, она встречает меня в моей собственной прихожей. Какого лешего она тут делает?

– М-м-м, – я попытался изобразить подходящее выражение лица, но не смог его подобрать. Какое выражение может соответствовать такой нелепой ситуации? Может быть, это не мой дом? Я ошибся дверью? Или совсем заработался и попал в прошлое, примерно на двое суток назад, когда эта девушка действительно имелаась в моей квартире. Мы познакомились с ней накануне. В «Стакане», конечно, где же еще мне знакомиться? Не на улице же! Девушка пришла на кастинг, она пробовалась на ведущую кулинарной рубрики, но даже одного быстрого взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: ничего интереснее яичницы-глазуньи она никогда в жизни не делала. Я же к этому шоу никакого отношения не имел и на кастинге сидел просто так – был пьян, случайно

забрел к своему приятелю, редактору этого шоу Славе Бодину, и остался. У них там в офисе диваны больно удобные. Да и красивые взволнованные девушки, мечтающие о славе, – это всегда прикольно. В общем, сидел и дремал, а потом вошла она и...

Дальше по сценарию обычно следует какой-то эмоциональный взрыв, что-то, что заставило бы меня задышать глубже, и кровь прилила бы к лицу и другим местам. И чтобы я замер от восхищения, проникся и все такое. И вспылал бы. Что может быть более банальным – потрясенно-влюбленный продюсер и его звезда. Но все девушки на кастингах мечтают именно о чем-то таком.

А между тем, все, о чем пишут и говорят в таких случаях, – полнейшая ложь. Ничего у меня никуда не приливает, и дышу я ровно и спокойно. Девушки мне, конечно, понравиться могут. Я же живой человек, верно? Но все девушки примерно одинаковы, они приходят стайками, уходят поодиночке. Все они хотят поймать в свои сети рыбу побольше, у всех у них жадные взгляды, полные любви к самим себе. Ничего такого, чего бы стоило любить. Впрочем, я не приглядывался.

Девушка, которая теперь стояла у меня в прихожей, тоже ничем особенным меня не поразила. Она была довольно обычной – крашеные желтые волосы, черные брови и глаза, слишком много косметики, слишком мало опыта и образования. Студентка очередных курсов телеведущих. Может, да-

же выпускница. Рост – сантиметров сто семьдесят пять. Короткое красное платье. Массивный деревянный браслет.

Вопрос, который сразу же возник и у меня, и у Славы Бодина, заключался в том, есть на девушке нижнее белье или нет. Сказать это наверняка не смог ни я, ни он. Платье было вполне облегающим, и если бы белье было, уж какую-нибудь ниточку-полосочку мы бы увидели. Мы прослушивали ее дольше других, а потом еще пересмотрели отснятый материал, но к консенсусу так и не пришли. Я был за то, что белья нет.

– Это потому что ты – такой вот безнадежный романтик! – возражал Бодин. – Хочешь верить в лучшее! Сейчас есть такие стринги, которые вообще не увидишь.

– Стринги – не стринги, а они же должны на чем-то держаться, – упорствовал я. – Вот, смотри. Совершенно ровное платье. Никаких следов. Говорю тебе, она пришла без белья.

– Ну что ж, можно в таком случае надеяться, что она не в колготках, а в чулках.

– Конечно! – я идею поддержал. В общем... имелся только один способ убедиться наверняка. Спрашивать девушку о таком как-то неудобно, а вот переспать с ней – другое дело. Тем более что стоило мне только намекнуть, дальше она сделала все сама. И через пару часов мы уже говорили о концептуальном кино у меня дома, на проспекте Мира, сидя на черном кожаном диване под стенкой из декоративного красного кирпича, призванного выглядеть как небрежно остав-

ленная без декора натуральная стена дома.

В свое время мной овладела мода на Нью-Йорк, и я умудрился угробить целую кучу денег и сил, чтобы превратить обычную сталинку, бывшую коммуналку, которую для меня расселили, в обломок американского стайла посреди московской прозы жизни. Результат до сих пор поражал людей, которые попадали ко мне в квартиру. Те, кто помоложе и поискусеннее, восхищались. Те, кто постарше (моя мама, к примеру), качали головой и спрашивали, когда я, наконец, сделаю ремонт. В целом мои кирпичные развалины мне нравились. Это были мои развалины, устроенные по моему вкусу, с учетом всех моих заморочек типа хай-тек плиты посреди большой, объединенной с гостиной кухни и длинной барной стойки в углу. Я люблю готовить и принимать гостей. И не люблю, как теперь выяснилось, обнаруживать девушек в своем доме, когда их тут быть не должно. Девушек, на которых были и колготки, и белье. Скудная проза жизни и один сплошной обман.

Сорок часов назад эта девушка приняла душ, надела все вышеперечисленное, выпила кофе с молоком (надеюсь, оно не было испорченным) и дальше (заметьте, я отлично это помню, хоть у меня и бывают провалы в памяти)... дальше я уезжал из квартиры, и она, эта девушка, стояла рядом со мной и тоже уезжала, полностью одетая и даже в сапогах. Последнее, что я помню, как она сосредоточенно красила губы. Где-то я ошибся!

– Устал? – нежно улыбнулась она и сонно потянулась. Я вздрогнул. Девушка явно верила в то, что стоит тут передо мной в моей прихожей на совершенно законных основаниях. Странно.

– Устал ли я? – есть над чем задуматься. Да я с ног валюсь! Я мечтаю об отдыхе, а не о девушках из прошлого. Пусть и недалекого, но определенно забытого и похороненного.

– Хочешь, я сделаю тебе коктейль? – спросила она. Я чуть было не закричал «НННННТ!!!!». С некоторой рассеянностью я отметил, что на девушке не надето ничего, кроме моей собственной футболки-поло от Lacoste. Что за черт?! Зачем она ее нацепила? И с чего я решил, что у нее стройные ноги, где были мои глаза? Впрочем, глаза мои были существенным образом залиты спиртным. Кстати, а не выпить ли мне? Пить крепкие спиртные напитки до десяти утра считается дурным тоном, да. Но только не у нас, не у телевизионщиков. По моему внутреннему графику сейчас был глубокий, поздний вечер.

– А... ты, собственно... – проямлил я. Господи, что же делать? Как ее, кстати, зовут? Маша или Саша? Черт, не помню. А это проблема. Назовешь неправильно – и тут же начнется неприятная, выматывающая и, главное, долгая сцена. Спектакль под названием «Какая же ты свинья» я уже не раз смотрел, и он мне не понравился. Так что надо было срочно понять, почему она здесь, да еще в моей футболке, а главное, что надо сказать или сделать, чтобы она: «А» – не обиделась,

«Б» – немедленно ушла. Терпеть ее сейчас я был не в состоянии. Просто никакой толерантности. Да и футболку жалко.

– Ой, ты мой бедненький. Такой бледненький, совсем тебя замучили, да?

– Да, – согласился я.

– Раздевайся и отдыхай! – скомандовала она и раньше, чем я успел отреагировать, исчезла в глубинах моих квадратных метров, сверкнув голыми и грязными пятками. Ума Турман недоделанная! Нас голыми ногами не возьмешь! Я стянул ботинки, снял пропахший куревом пиджак. Запах был омерзительным, как от пепельницы, но странным образом он только возродил во мне желание курить. Я добрался до спальни, снял оставшиеся тряпки и влез в любимые шорты и футболку. Девушка была где-то на кухне, и я малодушно подумал, что раз уж так все сложилось... раз уж она все равно уже тут... и почему бы нет. Ведь уйдет же она в конце концов, да? Не может же она засесть тут навечно.

Я умылся холодной водой, понимая, что выспаться сейчас все равно не удастся. Саша-Маша вознамерилась порадовать меня завтраком (продолжает демонстрировать кулинарные навыки для шоу?), что было огорчительным. Ненавижу, когда кто-то мне готовит. Никто и никогда не сможет накормить меня так, как я сам себя накормлю. Все будет пересоленным или недомасленным, подгорит или недоварится. В соке будут косточки, в тарелках волосы. Все будет плохо, но почему-то все девушки подряд пытаются проложить путь к

моему сердцу через мой желудок.

– Так, это твой сэндвич, – Саша-Маша протянула мне тарелку с хлебным «нечто». – Надеюсь, ты любишь с майонезом.

– Спасибо, – выдавил из себя я. – А что, ты на работу не поехала?

– Ой, а мне в последнюю минуту перезвонили, сказали, что я на пару дней свободна от съемок, их перенесли...

– Понятно, – я вздохнул, зная, что сейчас мне будут долго и убедительно демонстрировать профессиональное соответствие. Будет заявлено, что ее, Сашу-Машу, только и делают, что все снимают и снимают, прямо никакого сладу, уже совсем измучилась. И как же этот профессиональный грим бесит, такой вред для кожи! Но что делать – профессия требует. И, кстати, к слову о профессии. Неизвестно, когда будут результаты кастинга? А то у нее еще есть одно предложение, которое она держит «on hold»¹.

– Я бы, конечно, предпочла работать на крупный канал. Но время поджигает, – щебетала Саша-Маша, пока я мучительно думал, как избавиться от сэндвича. С кофе я еще как-то готов смириться, но есть это не стану.

– Слушай, это классно, что ты осталась. Приятный сюрприз... – промямлил я. – Но мне сейчас нужно немного... – что? Что мне надо «немного»? Проспать? Побывать одному? О, это хорошо, да! – побывать одному.

¹ Удержание, передержка (англ.). – Здесь и далее примеч. автора.

– У-у-у! – она сложила губки. – Ты меня выгоняешь, да? А я думала, мы повеселимся.

– Мне нужно поработать. Я... я тебе потом позвоню.

– А хочешь, я тебе массаж сделаю. Ты весь такой напряженный! – как ни в чем не бывало предложила она. О, массаж. Вот уж действительно, отличный путь если не к сердцу, то к телу любого мужчины. Я представил ее руки на своих плечах и малодушно сдался. Черт с ней, пусть остается. Вы провожу потом.

Через несколько часов, когда я проснулся, она лежала рядом со мной и листала один из моих журналов так, словно глянец с короткими заметками об автомобилях и больших постерами с девушками в белье может быть ей интересен. Она увидела, что я открыл глаза, и улыбнулась мне ласково и удовлетворенно. Уже думала, что я у нее в кармане. Я почувствовал, что злюсь на нее, хотя злиться нужно было только на самого себя. Проклятый интеллигент, ты предпочел снова переспать с девушкой вместо того, чтобы отправить ее восвояси. Сколько еще тебе нужно времени, прежде чем решишься сказать ей, что думаешь на самом деле? Ясно, что такая девушка не уйдет по доброй воле, не поймет твоих намеков, не станет ждать твоей инициативы, зная наверняка, что ты не позвонишь никогда. Такие, как она, прекрасно умеют брать быка за рога. И этот бык – ты, Гриня, тупое ты животное.

– Ты куда? – взволнованно спросила она, увидев, что я ли-

хорадочно собираюсь, натягивая на себя джинсы (те же самые, лень искать другие, чистые).

– Мне надо... надо кое-куда сходить, – пробормотал я, отступая в прихожую. Через минуту я стоял в помятой и несвежей одежде посреди проспекта Мира и запоздало пытался придумать, куда бы мне пойти. Страшно хотелось курить, и мысли о слабости собственной силы воли уже никак меня не огорчали. Сегодня был совершенно неподходящий день, чтобы бросить курить.

Глава 2

Ставлю на красное

Смешное и грустное зрелище – взрослый, состоявшийся и даже уже теряющий позиции мужчина тридцати пяти лет, который боится идти к себе домой, потому что там – она. По каким причинам, зачем Саша-Маша начала эту игру и как долго она может себе позволить не выходить из моего дома – я не знал. И более дурацкой ситуации припомнить не смог. Как-то Димуля говорил мне, смеясь, что бабы и кабаки доведут меня до цугундера. Что такое, кстати, этот самый цугундер? Если бы я захватил с собой «Айпад», посмотрел бы в Интернете. А чего, делать-то все равно нечего. Домой нельзя. На работу – ни за что, только не после нашего с Димулей разговора. Сейчас я никого там видеть не могу, все мне противны. Сейчас это кладбище надежд похоронило именно мои надежды, и идти туда было просто больно. Так что я шел бессмысленно, безо всякого особенного направления, с телефоном в кармане пиджака, с легким туманом в голове. Похмелье? Или просто не выспался? Все еще не протрезвел?

– Да, брат, запустил ты себя, – пробормотал я себе под нос. Когда-то я был кандидатом в мастера по плаванию. Еще в институте. Когда-то я хотел заниматься приборостроением. Потом – политикой. Я много чего хотел. Но телевидение засосало, как вакуумный пылесос, и вот валяюсь, обессилен-

ный, в пыли на обочине дороги. Никакого спорта, никакого здорового образа жизни. Нужно браться за себя. В бассейн начать ходить, что ли? Где мои кубики пресса? Или хотя бы один... куб.

– Сигаретки не найдется? – спросил меня проходивший мимо парнишка, и я механически протянул ему пачку. Там было уже на три сигареты меньше, и внутри меня что-то недовольно скривилось. Три сигареты за полчаса! Ты же хотел бросать. Ты же решил браться за себя! Я прикурил, почувствовал во рту горький привкус и поморщился. Омерзительно, когда ты много куришь на голодный желудок, да к тому же с похмелья. Я с недовольством отметил, что становлюсь противен сам себе. Когда карман пиджака завибрировал, я даже обрадовался. Может, кто-то вспомнил обо мне, хочет позвать к себе, на какое-нибудь забойное party. Но двенадцать часов – слишком рано для веселья. Сейчас время Алка-Зельтцера. С экрана моего аппарата на меня смотрела мама. Взгляд недовольный и осуждающий. Кто-то из моих невозможных сестриц установил эту душераздирающую фотографию, и я до сих пор не могу к ней привыкнуть. Если звонит мама, сразу понятно, что меня сейчас будут ругать.

– Надеюсь, я тебя не разбудила? – спросила мама после короткой паузы.

– Мам, сейчас уже двенадцать дня.

– Да? В прошлый раз я звонила тебе в час, так ты ругался. Так что я теперь уже и не знаю, когда тебе звонить. Пря-

мо боюсь тебя побеспокоить! – высказалась мама с откровенным сарказмом. Она звонит мне каждый день, это точно. Иногда по несколько раз в день. Она за меня беспокоится, ей кажется, что я живу неправильно. Иногда ей просто не с кем поговорить. Раньше одна из двух моих сестер, Дашка, жила с ней, и было полегче. Но Дашка вышла замуж и сейчас ждет ребенка, что является однозначным табу для телефонного террора. Светке мама звонить не станет, только в крайних случаях. Ее она почему-то боится по-настоящему. Светка может потребовать, чтобы мама пошла к врачу. Светка может запихнуть маму в санаторий, где ту заставят лечиться. В общем, теперь мама звонит только мне.

– Звони, когда хочешь, мам.

– Ты что, чем-то расстроен? А ты где? – забеспокоилась мама. Что, у меня уже и голос грустный? Дожили. В бассейн, в бассейн. Или бегом от инфаркта. Я плюхнулся на лавочку и посмотрел на двухэтажное строение напротив.

– Я на улице Годовикова. Дом семь, А, мам.

– Что ты придуриваешься! – фыркнула она. Я ухмыльнулся. – Ты что, пьян?

– Уже нет, мам. Я совершенно трезв, – заверил я и подумал, что эту грустную правду надо бы как-то исправить. Так в моем хождении появилась цель, я стал думать, куда пойти, чтобы выпить.

– Я надеюсь, Гриша, ты не собираешься опять гонять на своем чудовище? – аккуратно спросила мама, имея в виду

мотоцикл. – В твоём возрасте нужно уже завязывать с этим.

– Мам, в каком возрасте? Ну в каком возрасте, а? – возмущился я. – На мотоциклах и пенсионеры гоняют.

– Не говори глупостей, это очень опасно, и никто из гонщиков не доживает до пенсии. Не переживу, если ты опять станешь гонять по всему городу на этой штуке! – воскликнула мама. Штука – это «Ямаха», которую я купил прошлым летом. О, какая это штука! Какое чувство полета, свободы... Да, свободы. Когда летишь по ночному городу, а ветер бьётся, хватает тебя за руки, пляшет в волосах – в такие моменты можно понять, почувствовать свободу в своих руках. Ты держишь ее, ты сам себе хозяин, и никто, никакие Димули, никакие козлы – хозяева каналов – ничего не значат в твоей жизни. Ты – свободный человек. Я очень, очень люблю это чувство, и, конечно, я буду гонять. К слову сказать, как только протрезвею.

– Мам, я не хочу дожить до пенсии. И я не гонщик!

– Ты хочешь, чтобы у меня был сердечный приступ?! – причитала мама. – Я запрещаю.

– Мам, ты по поводу прогноза звонила, да? Успокойся, прямо сейчас я никуда не еду. Сажу на лавочке. Так куда ты собралась?

– Ты просто невозможен, – бросила мне мама после долгого молчания. Я понимаю, что она переживает. Я понимаю, что она мать. Но я уже не мальчик, и мне уже не нужно менять пеленки. Я сам отвечаю за себя, и неплохо отвечаю. К

своим годам я заработал себе на квартиру, у меня престижная работа, собственный шофер, который оплачивается за счет нашего продакшена, и девушка, которая вцепилась в меня и отказывается уходить из квартиры. Но для мамы и сестер я был и остаюсь Гришуней, которого нужно опекать и беречь.

– Ма-ам?

– Боровск. На послезавтра, – голос злой, но уже спокойный. Я улыбнулся и переключил телефон в режим удержания. Мобильный Интернет в моем смартфоне показал, что в Боровске намечался дождь. Было удивительно тепло, лето грозило начаться в любую минуту.

– Ты надолго? – уточнил я.

– На неделю, – моя мама частенько ездит по всей России, по каким-то церквям и мощам святых. Все молится за меня, чтобы я выкинул мотоцикл. И еще за сотню вещей. Чтобы я женился, чтобы урожай был хороший у нее на даче, чтобы не было войны или чтобы она была хотя бы не у нас, а у мусульман. Некоторые из ее запросов всевышнему крайне сомнительны и вызывают вопросы, но сам процесс ей очень нравится. Это целый мир – монастыри, паломники, веселые посиделки в трапезных, чувство локтя – когда буквально в любой точке страны ты моментально чувствуешь себя своей. Ну, а чтобы не попасть впросак в этих поездках, правильно одеться и не забыть зонтик, она использует меня в качестве личного гидрометеоцентра. Я – ее персональная поисковая

система. В Интернет она сама не заходит и вообще не подходит к компьютерам, считая их злом и проклятием небес. Телевизор она тоже не смотрит, но про погоду знать хочется, так что она нашла решение. Она звонит и помещает запрос прямо в меня, в мою голову. И я быстро нахожу ответы.

— А не похолодает? — беспокоится она. — Может, надо взять пуховик?

— Днем — до двадцати трех, ночью — семнадцать. Мам, я тебя люблю, — пробормотал я. Она помолчала, потом велела мне не подлизываться. Я снова усмехнулся. Будешь расти в доме с двумя старшими сестрами, научишься подлизываться. Мама отключилась, а я решил не ходить ни в какие кабаки, а купить бутылку текилы и распить ее прямо так, на солнышке, раз уж такая чудесная погода. Может, немного загорю.

* * *

Я сидел на пригорке около какого-то детского садика и смотрел на проходящих мимо меня людей. Их было много, они все куда-то спешили. Подозреваю, что тут проходила тропа, ведущая в сторону метро, поэтому-то густой поток российских и не очень граждан все не иссякал. Короткий путь. Они все едут куда-то по делам, кроме мамаш с колясками, молодые матери отличаются от остальных неторопливостью шага и мученическим взглядом. Некоторые шли по

двое или по трое, погруженные в беседу. Одна мамаша толкала коляску локотком, в руке у нее была сигарета, а другой она держала бутылку пива. М-да. Не мне судить. Я сидел, меланхолично улыбаясь, а в моей ладони удобно нежилась опустевшая уже на треть бутылка. Смог бы я работать где-то, кроме ящика? Этот вопрос меня стал вдруг неожиданно занимать. Желание все бросить и скрыться в неизвестном направлении стало практически невыносимым.

Люди разные нужны, но что может выйти из потерпевшего крах продюсера? Могу я еще успеть стать врачом? Нейрохирургом? Или вообще – космонавтом. Вот это было бы действительно круто, послать всех к черту и убраться с этой планеты. В прямом смысле этого слова. Бороздить просторы вселенной. Но факт есть факт – всё, что я знаю, и все, кого я знаю, – из ящика. Все, кто хочет со мной общаться, не смогут представить меня в другом образе. Кем я могу еще быть? Водить «КамАЗ»? Продавать мобильники? Продавать их оптом? Откатывать ретейлерам в крупных сетевых супермаркетах, чтобы они покупали у меня пальмовое масло? Уехать волонтером в Камбоджу? Варианты появлялись и исчезали, мое лицо загоралось надеждой и тут же гасло. Разливать питьевую воду в заброшенной деревне где-то в джунглях – это было не для меня. Там не продают текилу, это раз. Может быть, ее там делают, как у нас в деревнях «делают» самогон, но это все же совсем другое. Там нет клубов, водопровода и асфальтированных дорог, по которым можно го-

нять на байке. Там реально можно подцепить какую-нибудь заразу, а в этом смысле я крайне брезглив и опаслив.

И потом (и это во-вторых и третьих), у меня тут мама и сестры, и стоит мне сообщить им о каком-то таком героическом решении, как я тут же буду стреножен, буду лежать с вывернутыми руками и не смогу даже слова вставить, потому что все три будут орать так, что слышно будет до самой Останкинской башни. А еще и Оксана. Куда я от нее? Как я смогу жить где-то, где время перевернуто так, что позвонить Оксане можно только строго в определенные пару часов в день. Кстати, об Оксане... Я достал из кармана мобильник. Зарядка почти умерла, что было видно по едва живым рыбам на экране. Кто поставил мне эту дурацкую программу индикации заряда? Мои рыбы плавают крайне редко. Опять я забыл поставить телефон на зарядку.

– Привет. Чего не спишь? – спросила Оксана устало.

– Ты на часы смотрела? Почти час дня! – хмыкнул я. – Я не вовремя?

– Ты всегда вовремя, – вздохнула она. – Хотела бы я сейчас оказаться там с тобой. Я бы прогнала всех твоих баб и завалилась бы спать. У нас тут такие козлы... Проверка приехала, денег хотят. Достали. Уже третий день кружат.

– Бросай все и приезжай ко мне, – предложил я.

– За мной муж через час приедет.

– Бросай мужа и приезжай. Мы тебе потом нового найдем, – добавил я. Оксана усмехнулась, и голос ее зазвенел,

как множество колокольчиков.

– Сосватай меня к Эрнсту, – бросила она.

– Я сам готов к нему свататься, – ухмыльнулся я. – Впрочем, нет. Не потянуть мне его! Не то здоровье.

– Тебе никого не потянуть, – от одного Оксаниного голоса мне стало легче переносить этот полный несправедливостей мир. Мы еще поперебрасывались этими бессмысленными, наполненными скрытым эротизмом фразами. Такая у нас с ней карма, моментально заводиться при одних только звуках голосов. Странно, в самом деле, что мы не вместе. Что она замужем и с ребенком, а я с текилой и девушкой в квартире. А может, это даже естественно для таких, как мы. Я отхлебнул немного из бутылки и спросил:

– Оксан, а как можно вытурить из квартиры человека, который отказывается оттуда уходить.

– Человека? – расхохоталась она. – Что, у тебя Кара поселился и не уходит?

– Нет. Не Кара, – вздохнул я, с удивлением отметив, что мне до сих пор противно даже думать о Димуле. Черт, как он мог. На его месте должен был быть я! А теперь я, получается, вообще без места. И без команды. И без четкого понимания, куда грести дальше. Спиться к черту, что ли?

– Бабы?

– Они, – признался я с комичной гротескной серьезностью.

– Много? – уточнила Оксана с той же интонацией.

– Одна, но в моей футболке. В любимой! – пожаловался я.

– Кошмар! – развеселилась она. – А сказать, чтобы она ушла, ты, конечно, не можешь.

– Что она обо мне подумает! Вдруг она обидится! – поделился я своими страхами.

– Да уж, тяжело быть чистоплюем. Ну что ж, тогда женись на ней.

– Что? – прошептал я с искренним ужасом. Оксана поглотилась еще, а потом предложила сказать Саше-Маше, что ей нужно уходить, потому что скоро ко мне приедет любовница.

– Любовница? – заинтересовался я, глядя невидящим взглядом на тропинку и людей, идущих к метро.

– Или предложи ей сообразить на троих. Скажи, чтолюбишь смотреть.

– Оксана! Ты что такое советуешь? Любой твой вариант – это же будет грандиозный скандал! – иногда она просто поражает меня до глубины души. Оксана хохотала долго. Потом все же сжалилась надо мной и посоветовала позвонить Бодину, уточнить имя девушки и ее текущий статус. Может, можно ее выманить, позвав в «Стакан».

– Пусть Бодин ее позовет еще на какой-нибудь кастинг. Вместо Малахова в «Пусть говорят», к примеру. Пусть она говорит. Чтобы выбор был очевиден. Кого она выберет: первый канал или тебя?

– Сложный вопрос! – я улыбнулся, прикурил сигарету и снова чуть не задохнулся от кашля.

– Не лсти себе, Гриня. И бросай уже курить. Ты читал – курение убивает?

– Оpozнал все буквы, но не смог сложить слово, – фырк-нул я.

– Филиппок был умнее тебя, – хихикнула она. Оксана, Оксана. Мы знакомы уже сколько? Около двадцати лет? Ужас! Почему мы не вместе, в самом деле?

Телефон умер, унеся вместе с собой и Оксанин голос. Но идеи ее были живы! Мысль о том, чтобы позвонить Бодину, была более чем здоровой. Почему я сам не подумал об этом? Потому что я думал только о том, что, если сделать что-то не так, Саша-Маша может расстроиться, наговорить мне кучу гадостей или даже наделать их. Однажды одна несостоявшаяся девушка раздобыла телефон моей мамы и сообщила той, что беременна от меня. Что было потом – ни в сказке сказать, ни пером описать. Ядерный взрыв и ядерная зима в одном флаконе. Мне до сих пор припоминают тот случай. Девушки – они непредсказуемы.

Проблема была в том, что телефон умер, а номер Бодина был похоронен в недрах телефонной памяти. Моя собственная, человеческая память была в состоянии удерживать только ограниченное количество информации. День рождения мамы и сестер, потому что, если забудешь, расплата будет долгой и мучительной. Дату на текущий момент. Это очень плохо, когда забываешь дату текущего дня. Можно опоздать на морской круиз, оплаченный за счет рекламодателей, про-

изводящих водку. Так я однажды остался без трех недель в Средиземном море. Димуля после того круиза даже ложился в клинику для детокса – так хорошо они съездили. Продукция рекламодателей текла рекой. Еще я помнил пароль к своему электронному банкингу, а вот пароль к почте забыл, из-за чего смотреть ее могу только на ноутбуке – там пароля не нужно, там программа. Номер Бодина я бы не вспомнил даже под дулом автомата.

Вариантов не было. Если бы это не был «Айфон», можно было бы купить новую батарейку. Но в моем яблочном аппарате батарея была несъемной. Можно было пойти домой и подзарядить аппарат, но это было бы идиотизмом, потому что там же Саша-Маша, то есть проблема, встречи с которой я бы хотел избежать. Я покопался в карманах и нашел свою собственную визитку, на которой помимо моего мобильного номера, который я тоже не помню, был указан рабочий – в «Стакане», – по этому номеру сидели секретари нашего продакшена. Оставалось только одно – найти какой-нибудь аппарат, но в этом-то проблемы как раз никакой и не было. Любой человек из медленного ручейка, текущего в сторону метро, мог ее решить. У каждого из них имеется аппарат в кармане, надо только подойти и попросить позвонить. Это, конечно, тоже неприятно, но не настолько неприятно, чтобы я не стал этого делать. Саша-Маша куда неприятнее.

Я пригляделся к потоку людей, который уже поредел и почти пересох. Все-таки середина дня, и все нормальные лю-

ди на работе. Какой-то лысый толстый мужик привлек мое внимание, так как уже держал в руках аппарат. Но он так на меня посмотрел, когда я сделал робкий шаг навстречу, что я передумал. За ним шла усталая женщина, вся наружность ее была – изношенная, обветшавшая, как и ее одежда. Женщина пошла навстречу моей просьбе с готовностью, но оказалось, что ее телефон – старенькую дешевую «Nokia» – отключили за неуплату и абоненту недоступны исходящие звонки. Она покраснела и принялась извиняться. Я покачал головой, испытав острое желание дать ей денег и убежать, закрыв глаза руками. Оглядевшись в поисках других объектов телефонной активности, боковым зрением я вдруг отметил нечто. Сначала я заметил только цвет – огненно-красный, вернее, рыжий, переливающийся на солнце большим солнечным пятном. Я даже инстинктивно поднял ладонь, чтобы прикрыть глаза, но тут понял, что смотрю на ярко-рыжие волосы, длинные, ничем не перевязанные, свободно ниспадающие вниз по хрупким плечам.

Она шла не по дорожке, а наискосок, девочка-подросток в узких джинсах, кедах и в странноватом замшевом пиджаке-камзоле с вышивкой и бахромой. Хиппи? В наше-то время! На плече у нее висел массивный бежевый рюкзак, и он был, кажется, слишком тяжелым для нее, так как оттягивал плечо. Она медленно плелась через дворик, не выбирая направления и никуда не спеша. Интересно, у нее есть телефон? Сейчас все дети имеют телефоны.

– Эй, извините! – крикнул я ей, но никакого эффекта это не возымело. Я сунул бесполезную «Nokia» обратно в руки уставшей женщины и бросился наперерез златовласой хиппушке. – Извините!

– Вы мне? – она остановилась и обернулась. Ее голос прозвучал неожиданно зло и агрессивно. Она посмотрела на меня большущими и почему-то очень злыми зелеными глазами. Потом прищурилась и поджала губу. – И чего надо?

– А тебя не учили не грубить взрослым? – разозлился я. Вот ведь молодежь пошла, не успеешь двух слов сказать, а тебе в ответ уже хамят. Хиппушка сверкнула глазами и задрала вверх изящный веснушчатый нос. Странное сочетание невоспитанности и невинности, вызванное по большей части полным отсутствием косметики на лице. Я уже давно привык к девушкам при полном боевом раскрасе. К примеру, Саша-Маша встретила меня голыми ногами, но с лицом, полностью покрытым гримом. Просто толстый слой шоколада!

Девчушка была симпатичной, хотя и красоткой ее не назовешь. Зеленые глаза в бледных, золотистых ресницах, нежно-розовые губы, высокие скулы и еще что-то невообразимо ирландское, редкое в своем несовершенстве. Черты лица неправильные, но уникальные – это точно. Странная девушка. Рыженькая и злая. М-м-м. Таких как раз всегда есть смысл снимать, я имею в виду, на камеру. Они всегда смотрятся интересно. И не так важно, насколько они хороши.

Тут подсознание сыграло со мной одну из своих гадких

шуток, и я вдруг представил эту девушку в килте, с развевающимися волосами, в гольфах и ботинках – танцующей ирландский степ. Именно так, хоть я и знал, что килт – одежда шотландская. Что-то странно притягательное было в ее взгляде, в том, как резко и порывисто она двигалась, как поворачивала голову, как шурила глаза. Сколько ей – лет семнадцать? Нет, пожалуй, уже есть восемнадцать. Трудно сказать, сколько человеку лет, если на его лице нет ни грамма косметики. Может, и шестнадцать, а может, что и двадцать.

– А вас не учили не приставать к людям на улицах? – моментально отбрила меня она, но уходить не спешила. Она смотрела на меня, стараясь выглядеть независимо и уверенно, но была явно чем-то сильно расстроена. Что, двойку в школе поставили? С подружкой поссорилась?

– Мне просто очень срочно нужно позвонить. Дело государственной важности. У вас нет телефона? Я могу заплатить!

– Заплатить? Много? – неожиданно усмехнулась она. Я на секунду растерялся, не зная, что сказать.

– Согласно тарифу. Нет, правда, мне очень нужно, – я построил щенячье выражение, и хиппушка после секундной нерешительности скинула с плеча рюкзак и поставила его на спинку лавки. Щенячье лицо всегда действует, с удовлетворением отметил я. Даже на злючек. Наконец, она выудила большой, украшенный сверх меры бисером и другими фенечками аппарат и протянула его мне. Сама она при этом

вдруг покосилась на бутылку в моей левой руке и презабавнейшим образом покраснела. Да, я несколько пьян, что с того? У нас к вечеру каждый второй подшофе. А я всегда стараюсь держаться впереди планеты всей.

– А как тут набирать? – я задумчиво повертел в руках эту странную игрушку – ее телефон. Девушка презрительно фыркнула и забрала у меня аппарат. Оказалось, что кожаный чехольчик открывается, и под бахромой имеется циферблат. Хм, хипповский чехольчик? Косы, кеды, фенечки – определенно, старая мода возвращается.

– Забавная штучка, – бросил я, пока шло соединение.

– Звоните, – коротко бросила она и отвернулась. Я ждал, пока кто-нибудь из моих так называемых коллег сподобится и возьмет трубку, и смотрел на хиппи. Волосы, в самом деле, что-то с чем-то. Может, в ее роду промелькнул кто-то с ирландской кровью? Красивая девчушка, честное слово, только очень грустная. Какая-то зажатая. И шмотки какие-то стремные. Ей бы, в самом деле, ирландский килт, это было бы нечто... Впрочем, нужно немедленно прекратить воображать невесту что, а то так меня за педофила примут. Но вообще, такую бы девчонку можно было в каком-нибудь токшоу снять.

– Алло? – раздался, наконец, сонный голос в трубке. Я насколько мог покороче объяснил, что мне срочно нужен телефон Бодина и сам он тоже мне срочно нужен. Секретарша Галочка, бессмысленное существо, мечтающее выйти замуж

за миллионера, с трудом поняла, чего я от нее хочу. Выяснилось, что телефона Бодина нет ни у нее, ни у кого из тех, кто находится в продакшене в настоящий момент.

– В таком случае, Галочка, тебе придется встать и пойти, спуститься на первый этаж, дойти до транспортного коридора и повернуть к Бодину в офис, там есть указатель – чебуречная, – стебался я.

– Да знаю я, – Галочка была возмущена. – Вообще-то я занята.

– Я освобождаю тебя от всех повинностей. Иди и принеси мне голову Бодина на блюде. Или хотя бы его номер, – я нажал отбой и посмотрел на девушку. Нет, все-таки не хиппи. Нет кожаного шнурка в волосах, да и распущенные они не потому, что так стильно, а как будто девчушка забыла резинку для волос. На шее болтаются наушники с большими плюшевыми ушами. Девчушка смотрела на меня исподлобья, взгляд какой-то странный... Как волчонок. И слишком растрепанная. Джинсы – самые обычные дешевые, слишком зауженные. Хиппи, кажется, носили клеш – непопадание. И кеды, а вот тут плюсик ставим. Или теперь так модно? Может, сделать передачу про ультрановые молодежные контркультуры? Надо будет подумать.

– Ты спешишь? – спросил я максимально дружелюбным и даже немного отеческим тоном. – А то мне должны перезвонить. Ты можешь немного подождать?

– А почему вы мне «тыкаете»? – агрессивничала детка. Я

почувствовал, что начинаю закипать.

– Извини... Извините... Вообще-то я...

– Расслабьтесь. Я никуда не спешу, – она снова бросила фразу так, словно камнем в меня кинула. Потом присела на краешек спинки скамейки и уставилась куда-то вдаль. И, наконец, решительно подняла на меня свои абсолютно зеленые, раскосые, все еще злые глаза и спросила:

– Выпить дадите?

– ...? – я онемел от неожиданности. – Что? Выпить? – Я буквально остолбенел. Впрочем, а чего я еще жду от молодого поколения. Мы же сами недавно снимали программу про то, как нынче молодежь спивается. Хотя моя хиппушка на алкогольчку совсем не тянула. Скорее, она бы уместно смотрелась на велике и с двумя косичками. Подсознание услужливо подсунуло картинку хиппи в ирландском килте, на сей раз верхом на велосипеде. Я встряхнулся и переспросил.

– Совсем с ума сошла? – я поправился. – Сошли? Вы спятили, деточка?

– Я-то нет. Это же у вас там бутылка не с чаем, верно?

– Верно, – задумчиво кивнул я. – Не с чаем. С текилой. Но...

– Вам что, жалко? – спросила она ехидно. Я машинально достал пачку сигарет, повертел ее в руках, затем убрал обратно. Мысль о том, что я тут стою и подаю дурной пример, была неприятна.

– Что, так проголодалась, что курить нечего, выпить не с

кем и переночевать негде? – выдал, наконец, я.

– Квипрокво... – пожало плечами это странное существо и кивнуло на аппарат, который я все еще держал в руках.

– Нет-нет, тебе же нельзя. В твоём возрасте еще рано пить такие напитки, – покачал головой я. А что я еще должен был сказать? – Я могу тебе купить шоколадку.

– В моем возрасте? – возмутилась она. Потом усмехнулась. – В каком таком *МОЕМ* возрасте?

– Ну... до совершеннолетия. Не читала, детям до восемнадцати запрещается? Не дураки писали, между прочим, – умничал я. – В США —так до двадцати одного года!

– Мне двадцать пять лет, и я могу пить что захочу и когда захочу.

– Что? – теперь я уже окончательно опешил. Двадцать сколько? Нереально! Двадцать два – это максимум, больше не дам. И то от сердца отрываю. – Не может быть! – воскликнул я, вытаращившись. Не мог же я так ошибаться, в самом деле. Хиппушка покачала головой, посмотрела на меня, как на умственно больного, потом снова нырнула внутрь своего необъятного ранца и, после некоторых колыханий, извлекла оттуда... паспорт. Движением фокусника раскрыла его перед моим носом и тут же порывистым жестом захлопнула и убрала обратно. Я успел увидеть только странное, совсем на нее не похожее черно-белое фото, на котором отсутствовали веснушки, волосы были убраны в стандартный серый хвостик, а глаза хоть и не были зелеными, но все же оставались

злыми.

– Ну, убедился? – хмыкнула она, убирая паспорт обратно. Я моргнул и подумал, что на возраст ее я посмотреть как раз и не успел. Впрочем, видимо, она и вправду совсем уже не тинейджер. Не может же она так хорошо врать! Или может?

– Я не дочитал, – пожаловался я.

– Запишись в библиотеку, – хихикнула она и протянула руку к бутылке. – Что ты хочешь знать обо мне, кроме возраста?

– Значит, мы все же на «ты»? Ну, ладно. Хотелось бы узнать... Многие вещи. Откуда ты взялась такая грубая на мою голову?

– Издалека.

– Тебя папа с мамой не учили быть вежливой? – ехидничал я.

– А я сирота! – заявила она, и я уставился на нее, пытаюсь понять, что это – такая злая шутка или правда. Она смотрела на меня в упор, и взгляд ее был непроницаем. – Что еще?

– Хоть имя скажи.

– Ну, допустим, Ирина. Но ты можешь звать меня текильным братом.

– Почему братом? – удивился я.

– А кем? – она пожала плечами, но тут зазвонил телефон, и я отвлекся. Галочка щебетала без пауз и остановок.

– Бодин уехал домой, – сообщила Галочка. – У него мобильник не отвечает, он, наверное, в метро. Я ему звонила

пять раз, и с мобильного тоже, но он не берет. Хотя я знаю, что в метро сейчас телефоны ловят. Может, разрядился?

– Галя, Галочка! Помилуй! Бодин никогда не ездит на метро! – вклинился я, с изумлением наблюдая за тем, как рыжеволосая лохматая ведьмочка Ирочка закидывает вверх две руки, поднося мою бутылку текилы к своим губам напоподобие горна и принимается судорожно и жадно глотать огненную жидкость так, словно это кока-кола. Алкоголичка? Все-таки? Но почему такая чистая, буквально идеальная кожа. У людей пьющих кожа становится жесткой, с красными пятнами, некрасивой. Впрочем, моя алкоголичка еще молодая.

– И что мне делать? Радара у него нет! – возмущалась Галочка. А Ира оторвалась, наконец, от текилы и осела на лавку, словно она была управляемой электрической куклой, а кто-то выдернул ее штепсель из розетки. Она как-то осунулась, опала, сгорбив плечи, бутылка все еще в руке, и приложила ладони к лицу.

– А ты спрашивала у него в отделе? Может, он вообще сидит у нас, где-нибудь в подвале. Или в тихой зоне, там, говорят, полтергейст и наведенные волны, никакие приборы не работают.

– Бреешь! – фыркнула Галя. Тихой зоной – специальными коридорами, охраняющими тишину студий – всегда пугали девчонок, уж больно место было паранормальное.

– Честное слово. Не веришь мне? В тихой зоне однажды

зритель массовки пропал. Ушел и не вернулся. Как Снупи.

– Гриня! – возмутилась Галя. – Я туда не пойду.

– Ну так попробуй набрать его еще раз, – я попытался втолковать Галочке, как важно сейчас найти Бодина, как стратегически необходимо, но она тут же вывернулась, спросила у меня, а зачем, собственно, мне Бодин сдался. Вообще даже не наш продакшен. Я забубнил что-то про смежный проект, но через пару секунд сдулся.

– Просто найди, и все.

– Ладно! – крикнула Галочка. – Я пойду еще раз схожу к ним в офис. А что это за номер у тебя, Гриня?

– Григорий Александрович, – поправил ее я из чистой вредности. – Придешь в чебуречную и набери меня оттуда. Лучше уж я сам поговорю.

Я нажал отбой и посмотрел на свою странную (явно пьющую) ирландоподобную незнакомку. «Текильный брат» сидела на скамейке в той же позе, только ноги подтянула к себе и обняла их двумя руками. Поза зародыша. Бутылка стояла рядом, и степень ее наполненности снова изменилась – осталась где-то треть. Ирина уставилась в одну точку невидящим взглядом. И с запозданием до меня вдруг дошло – эта странная девушка-ребенок страдает. Прямо сейчас, прямо тут, на лавочке, одесную моей текилы, ей не по-детски плохо.

Я присел рядом, не зная, как себя вести дальше. Мне нужно было подождать, пока Галочка снова поднимет свою тощую задницу и доковыляет на своих бесконечных кинжало-

подобных шпильках до транспортного коридора, так что время у меня было. С другой стороны, я ужасно боюсь людей, у которых что-то случилось. Вдруг и у этой рыжей случилось какое-то настоящее горе. Может, кто-то умер. Может, она узнала, что болеет чем-то. Нет, надеюсь, ее просто мужик бросил. Мысль о том, что у этого воздушного, почти ирландского существа может вообще иметься какой-то мужик, была странным образом оскорбительной и нелепой.

– Ты как? У тебя все в порядке? – спросил я и тут же об этом пожалел. Ирина повернулась и потерянно посмотрела на меня.

– Нет. Не в порядке, – растерянно пробормотала она. – Неужели ты думаешь, я бы пила эту жуткую дрянь черт-те с кем посреди улицы, если бы у меня все было в порядке?

– Ну... во-первых, это не дрянь, а очень хорошая текила, – обиженно протянул я. – И потом, я лично миллион раз пил черт знает что черт знает с кем, и у меня при этом все было в полнейшем порядке.

– Ты закончил звонить, а? Григорий Александрович? – зло ответила Ирина.

– Не-а.

– Очень жаль, – как-то слишком громко выкрикнула она и снова приложилась к бутылке. То, что она явно не имеет опыта употребления крепких напитков и, скорее всего, вряд ли завтракала, я осознал чуть позже. Ненамного позже, если быть точным. Где-то минут через пятнадцать я вдруг с ужа-

сом понял, что девочка Ира с рыжими волосами и колючим зеленым взглядом быстро и бесповоротно окосела. Умеют же женщины вот так набраться с пары глотков. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы оставить ее в таком состоянии одну. Я не мог так поступить, хоть она и пыталась то прогнать меня, то потребовать продолжения банкета. Страшно становилось при одной мысли о том, что может случиться, если она будет бродить в таком виде и состоянии одна по Москве.

И потом, в какой-то момент она вдруг перестала огрызаться и ершиться, а стала смотреть вдаль глазами перепуганного котенка. Да уж, вечно я найду приключения на свою голову. Решаю одну проблему – получаю две. В общем, прав Дима Кара, хоть он и сволочь... Доведут меня бабы и кабаки. До этого. До цугундера.

Глава 3

«Текильный брат»

Строго говоря, никакой сиротой Ирина Волхова не была. В теплом, уютном, почти что не изменившемся с дореволюционных времен купеческом Таганроге у нее остались и мама, и папа – полный комплект. Мама – Степанида Ивановна Волхова – до сих пор работала контролером в автопарке, где папа Ирины – Алексей Иванович Волхов – сорок лет отработал водителем автобуса, а теперь счастливо пребывал на пенсии. Имелась двухкомнатная квартира в трехэтажном доме, имелась также дачка недалеко от моря, маленький, перекосившийся от долгих соленых лет сарайчик.

Все было нормальным и таким, как у всех. И все же... Все – да не все. Ирина проживала с родителями так, словно они были ей и не родителями вовсе, а так – соседями по коммунальной квартире. Она ела отдельно, пила только свое, сама себя содержала, и на двери ее комнаты висел английский замок, ключ от которого лежал у нее в кармане. Конечно, можно было бы предположить, что дело тут в глубоком несоответствии мировоззрений. Алексей Иванович любил котлеты из свинины напополам с говядиной, Ирина была убежденной вегетарианкой, которой претила сама мысль о поедании кусков мертвой плоти умерщвленных телят и поросят. Степанида Ивановна могла часами сидеть, уставившись в голубой

экран. Она любила ток-шоу, сериалы и программы новостей. Ирина Волхова телевидение презирала и считала пустой тратой времени. Конечно, в таких условиях общение отцов и детей было существенно затруднено. Однако дело было не в этом.

Мировоззрение родителей никоим образом Ирину не интересовало, так же как и они сами – целиком и по отдельности. Начиная примерно лет с десяти, Ирина решила считать их совершенно чужими людьми, не имеющими к ней буквально никакого отношения. И никакие увещевания – ни демонстрация документов или фотографий из семейного архива, ни речи соседей, ни возмущенные крики и обиды родителей не возымели эффекта.

– Вы мне никто, – однажды заявила Ирина.

– Да как ты смеешь! – закричал отец.

– А как вы могли? – воскликнула в ответ она и ушла к себе, хлопнув дверью.

– Да что бы ты понимала! – всплеснула руками мать. – Ты же наша кровинушка!

– И плевать. Какое это имеет значение? – Ирина упрямо замотала своей рыженькой, совсем как у матери, головкой. И все. Раз и навсегда. Никто и никаким образом не смог сдвинуть ее с этих позиций. Сначала это добровольное изгнание не особенно и в глаза-то бросалось. Ну, сидит ребенок у себя в комнате. Уроки-то сделаны? А не были бы сделаны – учителя бы позвонили. Не звонят – и славно. И не очень-то

хотелось.

Конечно, было бы лучше, если б дочь хоть какие-то чувства к родителям демонстрировала. Не чужие же люди. Но дочь выходила из комнаты только после того, как постоит, прислушавшись, к тишине необитаемого коридора. Пробиралась в кухню, как тень или ночной вор, кипятила чайник, доставала из холодильника вареники с картошкой или грибами – основа ее диеты лет с двенадцати. Где она брала на эти пельмени деньги – неизвестно. Впрочем, Степанида Ивановна догадывалась, отчего ее лицо загоралось яростью. Опять Адрианкина мать подкармливает... Вот ведь ни стыда, ни совести! Но со временем все остыло, и вино перешло в уксус. Все привыкли.

Адриана – лучшая подруга Ирины на все времена, как бы ни протестовали против этого Степанида с мужем – была единственной дочерью Наринэ Казарян, армянки, которая приехала в Таганрог в начале семидесятых и работала учительницей рисования в школе. Адриана и Ирина учились вместе, обе пошли в школу с шести лет, обе – в одну и ту же. Уму непостижимо, такая случайность! Впрочем, не такой уж большой город Таганрог. В общем, так получилось. Мир тесен. Но дружбу эту Степанида пыталась разрушить, видит Бог, она сделала все, что могла. А что толку.

Как только *весь кошмар* случился, Ирину перевели в другую школу, несмотря на все ее крики и возражения, но неприятная дружба и на этом не окончилась. Напротив, са-

мые строгие запреты близко не появляться рядом с домом Казарянов приводили ровно к противоположному эффекту. А уж с Адрианой их вообще было водой не разлить.

Нет, Адриана не была плохой девочкой в том смысле, в котором это обычно понимается. Она не учила Иришку курить или пить. И даже напротив, скорее Наринэ могла бы опасаться негативного Иринкиного влияния – такой бурной, такой эмоциональной и подчас грубой та становилась, что просто руки опускались. Адриана же росла тихой, симпатичной и милой, своим миром уравнивая Иринину войну. Она всегда хотела как лучше, даже если это «лучше» пережало ее саму, как танк. Надо признать, характером Адриана пошла в мать – вечно искала компромиссы, вечно хотела всех примирить. Но в этом ли дело, если Степанида Ивановна мечтала стереть до основания воспоминания и о Наринэ, и об Адриане, вместе взятых, из головы своей дочери. Чтобы даже смутных образов их не осталось. Она и сама была бы рада о них забыть, пусть бы жили сами по себе. Пусть бы уехали к себе обратно, в Армению.

Это оказалось совершенно невозможным, что теперь, с годами, стало очевидно, но сделанного не воротишь. Не стоило и пытаться. Результат – «вы мне никто» и дочь, таскающаяся где-то целыми днями или сидящая у себя в комнате за запертой дверью. Чем она там занимается? Вдруг чем-то *таким...*

Ничем *таким* Ирина не занималась. В доме Казарянов она пристрастилась к разного рода поделкам: то рисовала, то что-то мастерила из кожи или глины. Руки у нее были что надо, ловкие длинные пальцы свободно вылепляли любые формы, ей удавалось выписывать ровные изящные узоры на глине или дереве, выбивать и выжигать контуры на коже. И комната ее больше напоминала мастерскую, чем жилое помещение. Горы обрезков, обломков пересушенных и забракованных керамических изразцов – со временем она даже стала зарабатывать своими поделками.

Однако большая часть этой информации, безусловно, делающей девочке честь, Степаниде Ивановне была неизвестна. Она знала, что дочка пачкает бумагу, что из ее комнаты периодически пахнет чем-то странным, химическим или вообще гарью.

– Не дай бог, спалит нас во сне. От нее всего можно ожидать, – жаловалась Степанида мужу.

– И за что она нас так ненавидит? – расстраивался он. – Ведь мы же всегда хотели, как лучше.

– Как лучше, – эхом повторяла Степанида. Теперь все чаще она думала, что лучше уж было вообще ничего не трогать тогда. Но кто же знал? Да и можно ли было по-другому? Этот вопрос Степаниду волновал. Можно ли было по-другому, когда случился *весь кошмар*? Может, сейчас все было бы по-другому, и Иришка, родная кровинушка, не смотрела бы на мать равнодушно-пустыми глазами. Но этот вопрос вол-

нует всех родителей, так или иначе имеющих проблемы со своими взрослыми детьми, разве нет? Можно ли было вырастить детей как-нибудь иначе? Как правило, ответ на этот вопрос у всех был отрицательным. В таком случае и тут в семье Волховых все было как у всех. Они тоже не смогли иначе. Теперь уже не поправишь!

Так они и жили – вместе, но на разных полюсах жизни, вежливо общались, здоровались, даже спрашивали, нужен ли Ирине кипятилок, которого много в чайнике. И все, и не больше. Кипятилок никогда не оказывался нужен, и она отказывалась – иногда грубо, но чаще вежливо и корректно. Самое главное, все в конечном счете к этому привыкли. Нельзя же ругаться и кричать все время. Тем более что такая вежливая тишина была вполне удобной и комфортной, как любят сейчас говорить. Комфортно, что Ирина не лезла к родителям, ничего у них не просила и ни в чем их не обвиняла. Комфортно, потому что у других – у этих вечных «других», с кем постоянно приходится сравнивать свою жизнь, особенно ту, что течет медленно и сонно в таком маленьком городке, как Таганрог, – у других дети пили горькую еще со школьных лет, кричали, что им должны чего-то там дать, требовали денег на «откос» от армии. Другие путались со всяким сбродом, делали аборт или бегали в деревню к цыганам, а потом смотрели на родителей бессмысленным взглядом, и зрачки их были – ой-ей-ей! Нехорошие.

Ирина не только не требовала денег, но даже наоборот,

как только окончила школу, стала сама оплачивать квартиру (соответствующую долю) и питаться отдельно – в основном каким-то сеном и капустой. Сколько она зарабатывала и каким способом – Степанида не знала, но предполагала, что немного. Иначе бы дочь не ела всякую дешевую дрянь и не одевалась бы в секонд-хенде. Но это было не Степанидино дело. Чужие – так чужие. Главное – Ирина никого не приводила в дом. Никогда не слушала громко музыку, предпочитая свой плеер. Ирина была удобной. А что не общается, что не считает себя их дочерью – что ж. Значит, такой ее выбор.

* * *

Внешность Ирины, довольно-таки специфическая, по большей части вызывала у местных мальчишек смех, желание подразнить и подергать за косички. То, что многие девушки о такой странной, оригинальной внешности могли только мечтать, Ирине в голову не приходило. Она внешне-сти своей стеснялась, а стесняясь чего-то, всегда начинала злиться и становиться колючей, как еж. Несколько раз Ирина оттаскивала за уши местных пацанов и расцарапывала им лица из-за неосторожно брошенных в ее адрес слов. Со временем от нее отстали и не трогали, даже когда она стала носить странные одежды, огромные свитера, замшевые пиджаки и цветастые рубашки в этническом стиле. А она считала, что так сохраняет верность самой себе. Адриане казалось,

что подруга просто прячется за этими нелепыми кричащими слоями ткани, за всем этим ребячеством. И после двадцати лет Ирина оставалась подростком и выглядела на пятнадцать.

А между тем она была очень и очень интересной девушкой. Высокая, худенькая и подвижная, с красивыми руками и ловкими пальцами, с яркими зелеными глазами. Светло-рыжее, практически золотые волосы искрились на солнце, притягивая к себе взгляды. Чистая кожа, какая бывает у людей, живущих на свежем воздухе и многодвигающихся, – чего еще нужно девушке для счастья. Имеется в виду для личного счастья. Но, видимо, что-то еще.

Что-то неправильное было в Иренином взгляде – колющем и недоверчивом, и что-то еще в движениях – она не просто проходила по коридору родительского дома, она жила как-то дергано, крадучись. Мальчики давно уже обходили ее стороной, не без оснований полагая, что можно и «огрести». Ирина всегда находилась в режиме повышенной опасности. Код – blue². Мне никто не нужен – таков был девиз Иры Волховой. Однако все изменилось, когда она встретила Петра. Он оказался очень, очень ей нужным, просто жизненно необходимым. Причем главным образом потому, что она впервые в жизни поверила, что тоже действительно, по-настоящему кому-то нужна. До этого она жила в твердой уверенности,

² Медицинский термин, обозначающий прямую угрозу жизни пациента и необходимость реагировать незамедлительно.

что, кроме семьи Казарянов, не нужна никому.

Адриана была первой и единственной, кто знал о явлении Петра. Слушая предельно простой и банальный рассказ взволнованной подруги, Адриана подумала, что появление этого Петра или любого другого такого же было неизбежно. Петру было около сорока лет, он был *еще ничего*, красивый взрослый мужчина, вполне здоров, вполне честен, каким бы странным это ни показалось. Петр не был подлецом, как бы там ни было. Хотя недалеко от того места, где он нашел Ирину, на большом коричневом покрывале, разморенная жарким солнцем, мирно дремала супруга Петра Маша. Сын тоже лежал рядом, хмурился и обижался – он вообще уже давно ненавидел этот Таганрог и хотел бы остаться на лето в Москве. Эти обстоятельства никоим образом не делали Петра плохим человеком, просто так уж случилось, он увидел Ирину, спящую на пледе в укромном местечке за акациевыми кустами, – и пропал. Так, как может пропасть только мужчина средних лет, прямо в руки которого падает испуганная, нежная, совсем юная рыжеволосая нимфа. Конечно, кто может устоять против такого подарка судьбы. Он хотел просто разбудить ребенка, который рисковал полностью обгореть под яркими южными солнечными лучами, а получил все, о чем не мог мечтать даже в своих самых смелых эротических фантазиях.

Он не скрывал того, что женат, но Ирине это оказалось

совершенно безразлично. Ей был нужен только он сам, и эту малость он был готов ей дать. В первый момент знакомства у него и в мыслях не было изменять жене. Впрочем, он ей изменял, они были женаты уже пятнадцать лет, так что всякое бывало. Всем известно, что мужчины полигамны. Но заводить себе постоянную любовницу, да еще такую – невинную рыжеволосую дикарку, которая смотрит на него как на бога, – это было слишком. В конце концов, Ирина была на семнадцать лет моложе. Какой кошмар! Но и удержаться не смог, провалился в эту сумасшедшую любовь, как в пропасть, и летел, летел – звонил из Москвы, приезжал в Таганрог по несколько раз в год, назначал свидания в Ростове, часами разговаривал с Ириной по скайпу. Ирина не требовала от него ничего – ни денег, ни обещаний. Она не считала всю его жизнь ошибкой, слушала с замиранием сердца все, что он говорил, и хотела его – это тоже немаловажно. Жена Петра не очень-то хотела даже его слушать.

Эта первая и единственная ее любовь, запоздалая и сводящая с ума, захлестнула обоих с головой. Адриана всерьез боялась за подругу. За два года та восемь раз ездила в Ростов, трижды – в Крым, каждое лето под покровом ночи встречалась со своим любовником в номерах гостиниц-на-час, во множестве появившихся теперь повсеместно, и в Таганроге, конечно, тоже.

– Неужели ты не понимаешь – он разрушает твою жизнь? – возмущалась Адриана.

– Я хочу только, чтобы он был счастлив, – заявляла Ира. Отдать себя вот так – без смысла и без условий, без каких-либо надежд на нормальные отношения и счастье – это было вполне в духе Ирины. Принести себя в жертву – и даже этого не заметить, любить человека только потому, что он был первым, кто ее нашел и подобрал. Все это было очень, очень огорчительно, но Ирина и слышать ничего не хотела.

– Ты просто дурочка, – возмущалась подруга, которую Ирина считала ни больше ни меньше, как сестрой. – Он пользуется тобой, а потом все равно вернется к жене.

– И что? И пускай! Только я не верю, что он такой, каким ты его видишь. Он совсем другой.

«Он совсем другой». Сколько раз девушки говорили себе это, сколько раз потом они рыдали, уронив голову в ладони? Адриана прекрасно понимала, что такое – «совсем другой». Таким был ее отец, который, пока был жив, делал все, что только мог, для счастья своей обожаемой Наринэ. Вахтанг, муж Адрианы, просиживающий все ночи перед экраном компьютера, откладывающий каждую копейку, чтобы скопить на машину, тоже был «совсем другой». А Петр – он был как раз самый обычный. Но как объяснишь это Ирине? Как объяснить женщине, что центр ее вселенной, ее солнце – с гнилым ядром?!

Ирина ничего не видела и не слышала. Она ждала звонков, выполняла любые просьбы, до крови кусала губы, чтобы

не расплакаться, если Петя исчезал на несколько недель – ни ответа, ни привета. А он делал так достаточно часто, появляясь потом неожиданно, объясняя все какими-то делами и проблемами по работе.

– Он был занят. И потом, я не хочу его стеснять, – поясняла она, а лицо ее было при этом растерянным и бледным. Она плохо питалась, еще хуже спала. Огонь, который сжигал ее, ничем не напоминал любовь, но понять это возможно, только если есть с чем сравнивать. Ирина никакой другой любви не знала и ради счастья своего избранника была способна буквально на все. Даже бросить все – родной город, единственную подругу, любимое дело, тихие закаты и густые зеленые палисадники – и уехать в сырую, грязную, серую Москву, которую терпеть не могла. Но раз Петя позвал...

Зачем Петя потащил Ирину в Москву, Адриана не поняла. Два года как он владел Ириной, наслаждаясь абсолютной любовью этой женщины-ребенка, он играл не только ее телом, но и чувствами.

– Я оставляю тебе ключи. Мало ли что. Я буду пересылать деньги на квартплату, чтобы «эти» не возмущались, – пробормотала Ирина после некоторой паузы. Решение ехать она приняла даже без минутной запинки. «Не могу без него» – единственная мысль, жившая в ее голове. Ирина уехала.

«Эти» – родители Ирины – узнали от Адрианы о том, что

Ирина уехала надолго, возможно, что и навсегда, только через пару месяцев после ее отъезда. Можно представить себе, до какой степени это им «понравилось». Адриана же пребывала в полнейшей уверенности, что Волховы хотя бы в общих деталях с этой новой страницей в жизни дочери ознакомлены. Она и представить себе не могла, чтобы Ирина ни словом не обмолвилась с ними об отъезде.

Когда Адриана вошла в квартиру (Ирине понадобился медицинский полис, который она забыла в Таганроге), супруги Волховы встретили ее с полнейшим изумлением. Тем более что девушка заявила под вечер, зашла в квартиру, как к себе домой – открыла дверь оставленным ей ключом. Она вежливо поздоровалась, разулась, поставила свои чистенькие кожаные сапожки к стеночке и объяснила, что ей нужно забрать кое-что из Ирининой комнаты.

– Что значит «забрать»? А сама она где? – опешила Степанида.

– Она же уехала, – растерянно хлопала глазами Адриана.

– Куда? – высунул нос из комнаты отец. Адриана изумленно переводила взгляд с одного на другую.

– В Москву, – ответила, наконец, она.

– В Москву? – пробормотали хором родители. Это была новость. Они помолчали, переглянулись.

– Я зайду? – попросилась Адриана, хотя Ирина дала ей строгие инструкции ни о чем с «этими» не разговаривать, а идти прямо в комнату. Адриана так не могла. Она всегда хо-

тела, чтобы все было хорошо и все были счастливы. Короче, как говорила Ирина, она была «больно добренькая».

– А надолго? – подал голос отец.

– Возможно, я точно не знаю, – аккуратно ответила Адриана, хотя знала, что возвращаться Ирина не собиралась. То есть уехала она навсегда. Но Волховы, скорее всего, даже и о существовании в жизни дочери человека по имени Петр не знали.

– И зачем ее туда понесло? – хмыкнула Степанида Ивановна, уверенная, что из глубинки в Москву девки едут только для того, чтобы работать проститутками. А кем еще? Можно подумать, что Москва только и ждет всех этих приезжих, чтобы тут же сделать их директорами и банкирами! То, что Ирина оказалась такой же, как все «эти девахи», Степаниде Ивановне было неприятно. Что скажут соседи?!

– Я не знаю, – пожала плечами Адриана. Они еще немного помолчали, потом Степанида откашлялась и спросила:

– А ты-то сама как? Совсем выросла, надо же! Совсем вы уже взрослые. Ты-то тоже, небось, все на меня злишься? – и ушла, вздохнув, на кухню, не дожидаясь ответа.

– Нет, конечно, – пробормотала себе под нос Адриана. Сколько уже, в конце концов, воды утекло. Чего злиться!

Адриана знала не только, зачем Ирину туда понесло, она знала также, что в Москве Ирине не нравится. Что Петр снял ей квартиру, но появлялся там время от времени, а потом пропадал. Кризис среднего возраста накрыл его с головой,

заставляя мечтать о целой дюжине неисполнимых вещей сразу. Ему хотелось поменять работу, о чем он частенько рассказывал Ирине. Ему хотелось переехать в другую страну или хотя бы в другой город. Хотелось чего-нибудь нового, чего-нибудь, что сделало бы его жизнь и персону осмысленной и важной. Ирина в этом смысле была ему действительно нужна, он просто не мог без нее обходиться.

Его жена, с которой он прожил уже семнадцать лет, относилась к нему без теплоты, с чем он был готов мириться, и без уважения, с чем было мириться нельзя. Ирина же смотрела на Петра, как на самого главного человека во всем мире. Она одобряла абсолютно все, что он делает, она не возражала, когда он приносил в дом мясо, она переодевалась в платье и становилась на каблуки, которые ненавидела, если он так просил. Она жила и дышала его жизнью, а главное – ничего не требовала. Ирина со смехом рассказала Адриане, что живет в съемной квартире, в которой водятся тараканы размером с кулак, с которыми у нее, как говорится, сложились доверительные отношения.

– Я их уже по именам знаю. Они любят крошки.

– Ты что, их кормишь? – поражалась Адриана.

– А что, мне их убивать, что ли? – удивлялась Ирина. В этом была она вся – с колючим взглядом испуганного ёжика, с неиссякаемой способностью любить все живое, кроме, пожалуй, собственных родителей.

– Ты ненормальная! – смеялась Адриана и вздыхала про

себя. Она скучала по Иришке. Все-таки где Таганрог, а где Москва. Так прошло еще пять месяцев.

Чего Адриана не знала, так это того, что все это время в жизни Петра бушевали шторма и бури. Кризис. Он все же исполнил свою мечту и бросил работу, из-за чего пришлось продать машину. С деньгами было не очень, пару раз, чтобы до него дозвониться, Ирина даже клала свои деньги на его номер. Потом он нашел другую работу, не хуже, но и не лучше предыдущей, но это все-таки были перемены. Сын побрил волосы и сказал, что он будет биться за права русских в Москве. Было много скандалов, Петр обвинил во всем жену.

– Это твое воспитание, – сказал он.

– Это потому, что отца никогда нет дома, – мгновенно парировала та. После этого «прорыва» они стали больше говорить друг с другом. Он выслушал от своей жены огромное количество упреков и обвинений и высказал в ответ идентичное количество своих. Наконец, однажды ночью Петя приехал неожиданно, без звонка, бледный и пьяный, и заявил, что ушел от жены.

– Я ей все сказал. Мы поругались, и я рассказал ей о тебе. Оказалось, что у нее тоже есть любовник. Она с ним ездила в Тунис.

– Ничего себе, – прошептала Ирина. – И что дальше? Ты останешься со мной? Мне так страшно!

– Почему страшно, дурочка? Неужели ты не хотела бы,

чтобы мы были вместе? Чтобы жили долго и счастливо.

— Хочу, конечно, — улыбалась она, с трудом подавляя странное предчувствие кошмара. Ирина не верила в «долго и счастливо».

— Ладно, иди ко мне, моя нимфа, — только и сказал он и в тот момент сам искренне верил в то, что еще не поздно взять, да и поменять все в жизни. И старую жену на новую, молодую и любящую, и другого ребенка, которого Петр очень хотел. В ту ночь все было возможно. Или, по крайней мере, казалось таким.

Через неделю Петр перевез в квартиру на ВДНХ свои вещи — несколько костюмов в полиэтиленовых чехлах, несколько пар обуви, белье, компьютер. Квартира заполнилась коробками и полиэтиленовыми пакетами, в которых лежало что-то, чему Ирина не могла дать названия. Какие-то провода, какие-то железные штуки. Петр бродил как неприкаянный среди собственного барахла, прижимал к себе Ирину и смотрел в окно на бесконечные кирпичные пятиэтажки, видневшиеся среди свежей зелени.

Предчувствие не обмануло. Как-то ночью Ирина вдруг проснулась безо всякой на то причины посреди ночи и резко села на диване. Она прислушалась, вокруг нее была только темнота и тишина города, со смутным шумом за окном, с тиканьем будильника и урчанием включенного ноутбука. Петра не было рядом, он нашелся на кухне, в глубоком раздумье и с мобильным телефоном в руках. Глядя на него, Ирина по-

чувствовала снова – это странное тянущее чувство в самой середине живота, глухое ожидание беды. Она ушла и легла в постель, но до утра так и не смогла заснуть. Петр вернулся, лег рядом, но к ней не прикоснулся. Через несколько дней он исчез. Вернулся только через неделю и сообщил, старательно отводя глаза в сторону, что они с женой решили попытаться еще раз.

– ПОПЫТАТЬСЯ? – переспросила Ирина, а зрачки ее глаз расширились от ужаса. На нее полились потоки слов.

– Она считает, что у нас еще есть шанс. Она хочет еще раз попытаться. Еще одна попытка для нашего счастья. У нас же сын, ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Ирина после невыносимо длинной паузы. Она ничего не понимала.

– Она рыдала, знаешь. Я просто, черт... Я не знаю, что мне делать. Мы столько лет вместе. Я не думал, что это будет так тяжело. Я не могу все вот так разрушить, – Петр сидел на другой стороне дивана, отстраненный и растерянный, его оправдания звучали как обвинения. Ирина никогда не собиралась разрушать его семью, она никогда не думала о себе, как о любовнице. Она просто не могла без него. Он же, кажется, не только мог, но и хотел остаться без нее. У него с женой было общее прошлое, сын, квартира и друзья. Он не собирался все это терять.

– Ты как? – спросил он. – Не молчи, пожалуйста.

– Я не знаю, что сказать, – честно призналась Ирина. В

этот момент ее сердце рухнуло куда-то вниз, в пропасть из колотого стекла, напоролось на острейшие осколки, разлетелось на множество кровоточащих частей. Даже дышать получалось с трудом.

– Ты понимаешь, нас с ней многое связывает, – пробормотал Петр, снова взлохматив волосы. – Я не хочу, чтобы ты считала меня подлецом.

– Я не считаю, – прошептала Ирина, удивляясь, что именно это сейчас так важно для мужчины, который разбил ей сердце. Не быть подлецом?! Какая, к черту, разница.

– Мы решили начать все сначала. Родить второго ребенка, – Петр судорожно выдавал подробности принятого им решения, детали, которые были совсем не нужны Ирине. Слышать которые было невыносимо. Она знала, что около их подъезда стоит мини-вэн, в котором хватит места на все его коробки и пакеты. Тут уже нечего было обсуждать.

В конце концов она просто встала, засунула какие-то вещи в большой рюкзак и пошла к выходу. Петр попытался было ее остановить, но потом не стал настаивать. Ирина обогнула стоянку и ушла в неизвестном направлении, зная точно, что, когда она вернется, ни Петра, ни его вещей уже не будет. Она осталась одна.

Она не стала звонить Адриане. Во-первых, та была сейчас на работе, а во-вторых, зачем ее волновать. И что она скажет? Что всегда говорила? Что она предупреждала? Что на-

до пойти и надавать пощечин этому Петру и его жене заодно, чтобы перестали терзать невинных девушек своей недолюбовью. Адриана всегда знала, что Петр не стоит такой любви. Никто не стоит! Ни один мужчина. Ирина же никогда не пыталась оценить, чего стоит ее Петр. Она просто любила и все.

Однако, возможно, между ними с Адрианой и вправду существовала какая-то мистическая связь. Говорят же, что очень близкие друг другу люди могут читать мысли друг друга. Подруги были накрепко связаны, и вот вдруг Адриана захотела услышать Иринин голос. Прямо посреди дня, в перерыве на обед, она набрала Иринин номер, но трубку неожиданно взял какой-то мужик, не Петр даже, а вообще непонятно кто.

– Алло? Галочка? Ну что, ты принесла мне голову Бодина на блюде или мне тебя уволить? – спросил он, введя этим Адриану в полнейшее замешательство.

– Хм, добрый день, – тихо пробормотала она. – Я, наверное, не туда попала.

– А куда вы метили? – усмехнулся мужчина. Голос приятный, низкий, смешливый. Возможно, не совсем трезвый.

– Мне нужна Ирина Волхова.

– А, вам нужна Ирина! – воскликнул он. – Ну, это вряд ли.

– В смысле? Это не ее номер? Я ей звонила, но она была недоступна.

– Что ж, на самом деле это по-прежнему ее номер, но Ира по-прежнему недоступна, – мужчина рассмеялся, а Адриа-

не показалось, что она смутно слышит Иришкин голос откуда-то издалека.

– Что вы имеете в виду? А вы кто?

– Я-то никто. А Ирина ваша... она вне зоны действия сети. Вы ей потом перезвоните... завтра!

– Отдай телефон! – раздался громкий голос. Иришка явно приблизилась к телефону. Мужчина переспросил, уверена ли Ирина, что ей нужно разговаривать с приличными людьми в таком состоянии, и потом в трубке раздались странные звуки, как будто борьбы. Кто-то пыхтел и скрипел, а через несколько секунд Адриана наконец услышала голос подруги.

– Адочка, это ты? А это тут я! А что ты хотела? Этот дебил в узких джинсах, он похож на голубого и возомнил о себе черт-те что! Это же мой телефон! – воскликнула она.

– Этот дебил, между прочим, совершенно правильной ориентации. А ты, дорогой абонент, совершенно не умеешь пить. Может, тебе хватит?

– А чего тут уметь?! Мне не хватит, и не надейся! – расхохоталась Ирина. Адриана откашлялась и вклинилась в этот странный бессмысленный словесный поток.

– У тебя все в порядке? – громко крикнула она, не уверенная, в чьих руках аппарат. – Где Петр?

– ... – возникла непродолжительная пауза, потом какие-то странные булькающие звуки. Потом Ирина сказала каким-то не своим голосом:

– Петра больше нет. Пожалуйста, никогда больше не спрашивай меня о нем.

– Значит, все-таки из-за мужика, – крикнул незнакомец с веселым голосом. – Понятно. А тебя не учили, что надо закусывать? Отдай бутылку!

– Ни за что!

– Плохо станет! – заверил Ирину незнакомец, после чего связь прекратилась. Адриана вдруг с ужасом поняла, что ее подруга неизвестно где, неизвестно с кем в этой огромной, полной опасностей Москве – и совершенно пьяна. Это было плохо, очень плохо, особенно если учесть, что это был первый в истории случай, чтобы Ирина взяла в рот спиртное.

Глава 4

Ну и дура!

Дима Кара ненавидел женщин, и ненавидел он их потому, что они его не любили. Даже когда они любили его – старательно изгибаясь, бросая призывные взгляды из-под пушистых, густо накрашенных ресниц, когда они тяжело дышали – он точно знал, что они любят не его, а те возможности, которые с ним связаны. И за это он ненавидел их еще больше, но это не означало, что он бы не стал пользоваться такой «любовью». Напротив, теперь, когда Кара стал по-настоящему «крутым челом», он предвидел всплеск женского интереса к своей персоне и собирался использовать служебное положение по полной программе.

Но не в этом дело. Не в том, чтобы заняться любовью с очередной мечтательницей о вселенской известности, не в том, чтобы забросить ее ноги выше ее головы и сделать это не раз, не два, а двадцать два раза с двадцатью двумя разными женщинами и разными ногами. Дело было в принципе. Это сучки не хотели Димулю, что бы он ни делал для них, как бы ни старался. Эти чертовы сучки всегда предпочитали таких, как Гриня.

И не потому, вернее, не только потому, что Гришка Ершов был чертовски смазлив – и знал это, и умел подать себя, и широко этим пользовался, – но и потому, что была в нем

какая-то легкость, свойственная только молодым, страстным и безответственным мужчинам, и которой не было и в помине в неуклюжем Диме. Все в Диме было не таким, начиная с фамилии, по-тюркски Кара означает – черный. По-русски тоже ничего хорошего. Но бог с ней, с фамилией. Что делать с ростом? С пивным животом, с любовью к еде, к пирожным. Что делать с тем, что краснеешь непроизвольно? Да, не мачо, не мачо. Девушки таких не любят.

Можно было, конечно, убедить себя в том, что Гриню Ершова девушки тоже любят не за красивые глаза, а за звание продюсера, которое всегда действует на женщин магически. Но было бы глупо обманывать самого себя. Гриню любили все. Когда-то и сам Дима Кара был буквально помешан на Грине, хотел на него походить и даже вещи в магазине покупал такие же, как у Грини. Только вот смотрелись они на Диме совершенно иначе. И о том, чтобы влезть на мотоцикл, Дима даже не мечтал. Черный Гринин конь его только пугал. Гриня же смотрелся просто потрясающе, когда подлетал к «Стакану» на этом жутком чудище, снимал блестящий шлем, зачесывал ладонью назад растрепавшиеся темные волосы и поднимался – в кожаной куртке и кожаных штанах. Такой может поразить любую. Кожаный костюм Гриня специально заказывал по Интернету – другого такого ни у кого в Москве не было. Гриня всегда был – чертов модник.

Дима Кара относился к Грише Ершову с чувством, которое называется двойственным. Он очень дорожил отноше-

ниями, что сложились между ними, но, с другой стороны, много раз в своей жизни мечтал о том, чтобы Гриня сдох или исчез, чтобы его просто больше не было в его жизни, так было тяжело смотреть на его красивое, потрепанное любовью и деньгами лицо. Когда они сидели в своей приемной и пили виски, а девушки из кожи вон лезли, пытаясь впечатлить этого ублюдка – игнорируя Диму, – он очень хотел убить Гриню, задушить. С другой стороны, как друг, Гриня был очень даже классный. Как босс – несколько хуже. Слишком много спеси, слишком много команд и даже насмешек, и главное... Главное – вот эта бесконечная Гринина уверенность в том, что без него никто никогда не обойдется. Что все только и мечтают, чтобы принять его в свои гостеприимные объятия и отдать ему, молодому победителю, все. Проекты, бюджеты, контакты. И лучших женщин. Он это просто излучал, а люди верили. И шли, и давали все сами, оставалось только подставлять руки. В Гринины красивые, ухоженные руки падало все самое лучшее.

Москвич по рождению, Григорий Ершов уже к тридцати годам имел большую, отделанную идиотическим кирпичом квартиру, в которой мечтали оказаться все девицы «Останкино». Дима Кара, которому все приходилось зарабатывать потом и кровью, смог взять только однушку в Алтуфьево – в ипотеку, до сих пор расплачивается. А Гриня гоняет на «Ямахе». А у Грини в Москве еще и мама и две сестры. И Оксана – любовь всей жизни, которая так удобно замужем,

так удобно любит встретиться иногда по старой памяти. Гриня никогда не чувствует себя одиноко. Дима же чувствовал себя одиноко чуть ли не каждый день. И что еще хуже, чувствовал себя человеком второго сорта. Разве это правильно? Нет! Это бесило. Но до недавнего прошлого Дима все-таки поостерегся бы говорить, что он Гриню ненавидит.

А теперь – да. Ненавидел. Всеми силами своей страдающей души. И дело было вовсе не в том, что Гриню больше девушки любят, а в том, что из-за Грини ему, Диме, пришлось совершить подлость. И теперь ему приходилось с этой подлостью каждый день жить. Оглядываться, прикидывать, обливаться холодным потом. А вдруг кто узнает! Вдруг кто догадается! Что тогда будет?!

Но никто не догадался. Даже удивительно, насколько люди бывают слепы – сущие идиоты. Дима теперь только сожалел, что не понял этого раньше. Все продолжали жить, будто ничего не случилось, и никто не проговорился – никто даже не намекнул Грине или кому бы то ни было еще, почему тот вдруг так неожиданно остался без места в новом проекте, который, фактически, был им рожден. И сам Гриня не пришел, не стал разбираться, не хлопал дверьми, не кидал никому в лицо обвинения. Утерся и пошел дальше, счел разборки ниже собственного достоинства.

Достоинство. Что и кому оно дало? Больше всего изумляло Диму – с какой готовностью все поверили в то, что он придумал. Идея осенила его буквально за одну секунду, встала

перед его внутренним взором во всей полноте и деталях, и ему не пришлось долго думать и прикидывать. Все сложилось, как мозаика. Гриня часто пенял Диме на то, что тому не хватает креатива, что нужно развивать в себе творческие способности и рождать иногда оригинальные идеи. Что ж, теперь бы Гриня гордился. Если бы узнал.

– А вы уверены? – спросил представитель хозяев Канала, Макс Канаев. И покачал головой с неодобрением и неприятием.

– Но я смогу в полной мере использовать все наши наработанные за годы совместной работы контакты и опыт, – заверил его Дима. – Мы работали вместе десять лет.

– Это же проект Ершова. Даже не знаю, можем ли мы вот так взять и отдать его вам.

– Ну, авторскими правами тут ничего не охраняется, – пожал плечами Дима, мысленно моля господу, чтобы только не начать краснеть.

– Я не об этом, не об этом. Просто... так не делают.

– Я уверен, что Гриша будет делать все возможное, чтобы отрицать то, что я вам передал, – сказал Дима и аккуратно добавил: – Вы же понимаете, что я это сделал только в интересах проекта. Это же серьезный бизнес. Два года, тут требуется некоторая откровенность. А Гриня сейчас, уж извините, думает только о себе. И его можно понять. Но ведь проект пострадает. Неминуемо.

– Это да, – пробормотал Макс. – Это да. Спасибо, что

проинформировали. – Канаев был совсем не дурак и отлично понимал, как хочется Диме возглавить такой проект. И, в принципе, это не было невозможным. Дима уже намекнул, что может каким-нибудь удобоваримым образом отблагодарить Канаева, если тот рассмотрит кандидатуру Кары положительно. Канаеву, по большому счету, было все равно. Если не Ершов, то какая разница. Все варианты нехороши, и, в таком случае, Кара ничуть не более плох, чем любой другой. А о том, чтобы брать в существующих обстоятельствах Ершова – не могло быть и речи. Телевидение – жесткий бизнес, и тут никакие слабости не допускаются, чем бы они ни были продиктованы. Иными словами, Ершов был списан со счетов, и вскоре об этом так или иначе знали все, кому положено знать – там, наверху. А внизу все эти кадровые перемены вызывали только вопросы и шум, вполне уместный и допустимый в таких случаях.

– Я крайне сильно заинтересован в этой работе. У меня прямо руки чешутся начать проект. А с Грином я все улажу.

– Так вы уверены? – нахмурился Канаев. Дима Кара не был уверен и на миллиметр. У него даже немного кружилась голова, когда он нес весь этот бред. Но практика показала, что все это было вполне исполнимо. Все поверили, и все молчали. Канаеву нравилось в Диме одно – насколько тот был управляем. А то, что не хватает звезд с неба – время покажет, так ли это важно. У нас звезд и на земле хватает, можно обойтись ими.

– Значит, беретесь? – уточнил Канаев, оговорив с Карой сумму своего отката. Он взял с него на пять процентов больше, чем можно было взять с Ершова, но Гриня, в конце концов, был еще и классным собутыльником. За это ему скидка и давалась.

Новость разнеслась быстро. Официальная версия была именно такой, какую Дима озвучил Грине – руководство канала без объяснения причин отказалось сотрудничать с Ершовым, а заключило контракт с Карой. Правда была спрятана глубоко в сердце Димы Кары и вызывала у него приступы глубокого презрения к самому себе, которое трансформировалось в глухую ненависть к Ершову. Если бы только тот вовремя сумел дать Диме то, что ему было нужно, ничего бы этого не было. И вообще – сам виноват! Разве нет? Если бы Гриня не вел себя так, как он обычно себя ведет, – поверил ли бы хоть кто-то в Димины басни? Нет, конечно. Так что, однозначно, Гриня виноват сам.

Когда Григорий позвонил – голос, как всегда, веселый и пьяный, и как будто ничего не случилось еще несколько часов назад, – сердце Димы Кары сильно и неритмично ухнуло и отозвалось неприятным уколом между лопаток. Неужели теперь так будет всегда? Постоянные нервы на тему того, что правда вскроется? Ну, вскроется, тогда и будем волноваться. Так всегда говорил сам Гриня, но Дима был устроен по-другому, и он не мог беспечно жить в мире, где в любую минуту

тебя могли закатать под асфальтовый каток. Гриня мог.

– Слушай, Димуля, можешь сделать кое-что для родной партии? – спросил Гриня, а где-то невдалеке от него слышался неразборчивый женский голос, что-то недовольно бурчавший. Опять с бабой?! Где только он их берет. Чертов бабник!

– Конечно, Гриш, только скажи, – голос против Диминой воли звучал заискивающе. Он откашлялся и спросил более враждебно. – А что нужно?

– У меня дома засела девушка. Не хочет уходить. Хочет переспать с продюсером. Ты у нас теперь – реально крутой продюсер, хочешь, она переспит с тобой? – Дима в оцепенении остановился посреди останкинского коридора. Невозможно достоверно понять, говорит ли Гриня всерьез или глупо шутит.

– В смысле?

– Ты не мог бы пойти в офис к Бодину и запросить мобильный телефон некоей Саши Бобковой, а потом позвонить ей и пригласить на свое шоу на пробы. Только чтобы она приехала прямо сейчас, а не потом.

– А что я потом буду с ней делать? – опешил Дима.

– Тебе рассказать в деталях? – хмыкнул Грин. Тут неразборчивый женский голос стал разборчивее, красивый, грудной голос с хрипотцой.

– Что за черт, и ты тоже хочешь женщину выгнать? – спросила женщина и несколько истерично расхохоталась.

– Будь хорошей девочкой, и я тебя как-нибудь покатаю на мотоцикле, – ответил Грин в сторону, после чего вернулся к Диме.

– Выручай, Кара.

– А это у тебя кто там с тобой? – спросил он, помедлив.

– Кто – кто? – не понял Грин. – А, это! Это – никто, подрастающее поколение, невоздержанное и грубое. Еще и пьющее к тому же.

– Я буду вам всем мстить! Вас всех надо пороть батогами! – выкрикнула вдруг девушка, на что Грин спокойно ответил ей:

– Будешь-будешь. И мстя твоя будет ужасна. Слушай, Кара, тут такая ситуация, – голос Грина снова приблизился, стал громче и четче. Голос спокойный и даже веселый, без тени сожаления и расстройства. Этот говнюк даже не думал о том, что остался за бортом, что новый грандиозный проект стартует без него. Что бы делал Кара в такой ситуации? Да извелся бы весь от обиды и расстройства. Что делает Грин? Развлекается с кем-то!

– Какая ситуация? Я ничего не понял! – возмутился Димуля. Гриня вздохнул и принялся объясняться.

– Помогай, Димуля. На тебя одна надежда. Эта Бобкова Саша – хорошо хоть ее имя наша бесполезная Галка смогла выяснить – сидит у меня дома и отказывается уходить. Делает вид, что у нас с ней любовь.

– И чего? – опешил Дима.

– Позвони ты этой Бобковой, пусть она поедет к тебе. Главное, чтобы пробы твои случились прямо сейчас. Потом снимешь ее где-нибудь в массовке – она подойдет, я обещаю, и все. А? Ну, пожалуйста, пожалуйста! Бодина, гада, нет, а все это – из-за него. Так, тихо, не падать! – совсем уж не к месту добавил Грин, и только потом Дима запоздало догадался, что последняя фраза предназначалась не ему, а таинственной женщине, которая собиралась «им всем» мстить. Вот такой он, наш Гриня – дома у него одна девушка, а на улице другая, и чтобы одну привести домой, другую надо заставить уйти. Нормально?

– Ладно, давай номер, – нехотя согласился Кара, сам не понимая до конца, зачем он это делает. Может, из чувства вины или по привычке. Или чтобы сохранить иллюзию их дружеских отношений. Но если быть честным, главная причина была в том, что девушки «из-под Грина» всегда были первоклассные, и раз уж так – раз уж есть шанс, что девушка хочет переспать с продюсером, отчего бы этим не воспользоваться.

* * *

– Что же мне с тобой, с дурой, делать! – воскликнул я, вздыхая. Девочка Ира набралась и вела себя совершенно неприлично. Текила еще не закончилась, а я уже знал, что некто по имени Петр, самый лучший и самый прекрасный

человек на свете, решил «попробовать» еще раз со своей женой, в связи с чем девочка Ира осталась сама по себе.

— А что они решили попробовать? — ухмыльнулся я, ерничая. — Не думаю, что к их возрасту осталось так уж много вещей, которые они не пробовали. Ему сколько, ты сказала? Сорок?

— Не смей! — выкрикнула Ира. — Ты его совсем не знаешь. Ты и мизинца его не стоишь.

— Это смотря по какому курсу! — обиделся я, но попытался быть выше этого. — Слушай, все женатики такие. Пора бы уже понимать!

— Он совсем другой! — сказала она и снова начала рыдать. Я присел рядом, пытаюсь понять, что делать с ней дальше. И потом, чисто по-человечески было ее жалко. Конечно, в то, что этот Петр был действительно самой первой-препервой любовью этой колючки, мне верилось с трудом. Все-таки ей двадцать пять. Большая девочка, хоть и выглядит как маленькая. Но вела она себя именно так, словно ее никогда до этого не бросали. Рыдала, потом огрызалась, потом шептала, что не знает, как будет жить дальше. Когда Оксанка меня бросила — нам было по шестнадцать, и она уезжала в Германию, как нам казалось, навсегда, — меня вот так же трясло. Думал, помру, а не помер. Но переживал долго, больше года. Да и до сих пор такой, как Оксанка, не могу найти. Если б нашел — тут же бы побежал жениться. Нет, это я вру. Жениться — это не для меня.

– Ничего-то ты не понимаешь, детка.

– Сам ты детка! – не замедлила огрызнуться она. Вот она, современная молодежь, никакого воспитания.

– Текилу отдай.

– Сам ты ничего не понимаешь. Женщину не можешь выгнать. Хочешь, я сейчас в три счета твою Сашу-Машу прогоню?

– Спасибо, конечно, но после этого меня в «Стакане» четвертуют.

– В «Стакане»? – Ирина растерянно подняла на меня заплаканные глаза, потом почему-то покосилась на стоящую между нами бутылъ.

– Это мы так «Останкино» называем, – пояснил я. Но на смешном, красном от слез лице не появилось и тени понимания. – «Останкино» – это такое место, где снимают почти все программы для телевизора. В простонародье «Стакан». Ты там никогда не была?

– Я и телевизор-то не смотрю, – равнодушно пожала плечами девица, чем потрясла меня до глубины души.

– Прямо как моя мамочка! Что, никогда-никогда? – в полнейшем шоке переспросил я. Ирина выпрямила спину и повернула голову, красиво изогнув шею. Черт, а эта девчонка куда лучше, чем кажется на первый взгляд. Одна пластика чего стоит. Ее, действительно, есть смысл попробовать на камеру. В ирландском килте.

– Никогда. Перевод времени.

– А на что тебе столько времени? Чтобы чужую текилу пить? – ухмыльнулся я.

– А тебе жалко? – она скорчила рожицу и снова вцепилась в бутылку. Если до этого момента у меня не было никаких серьезных претензий к этому богоподобному Петру, то тут мне захотелось надавать ему по морде. Впрочем, не мне негодовать по поводу мужчин, бросивших женщин. Не в тот момент, когда Дима Кара выманивает одну из моей собственной квартиры.

Мы сидели и сидели. Я еще раз поподробнее выяснил все, что касается Иринино отношения к телевидению, поражаюсь этому феномену. Ирина не только не смотрела телевизор сама, но и не хотела в него попасть. Такое я, откровенно, видел впервые. Чтобы молодая, симпатичная девчушка не заводилась от одной только мысли о том, чтобы попозировать перед кучкой неопрятных операторов в наушниках и в тапках.

– А ты, значит, продюсер? – хихикала она. – И что, ты считаешь, что это круто?

– Ну, в общем... Да, а почему нет?

– И в чем крутость? Чего полезного миру ты делаешь?

– Миру – может, и ничего. Зато самому себе делаю массу полезного. И потом, если уж говорить начистоту, у меня работа интересная и творческая. И я могу придумать и показать что-то, а потом люди посмотрят и узнают что-то новое.

– Ну что? Сколько любовников было у Лолиты Милявской? – расхохоталась она. Я надулся. Нет, ну обидно! За отчизну!

– Почему любовников? Мы однажды делали документальный фильм о всех частных галереях России. Очень познавательная программа.

– А про животных вы ничего не делали? – вдруг спросила она. – Про то, как их истребляют?

– А ты что – из Гринписа? – тут же загорелся я. Это было первое, что я узнал об этой девочке помимо того, что она крепко и навсегда влюблена в Петра, который решил взять еще одну попытку. С женой, не с Ириной.

– Я – из Таганрога, – фыркнула она и поежилась. Честно говоря, погода хоть и была хорошей, но не настолько, чтобы торчать весь день на улице. Да и солнце ушло с нашей лавочки, заставив нас зябнуть. Я посмотрел на часы и подумал, что Димуля, наверное, уже выманил Бобкову из дома. Димуля... Можно было бы, конечно, позвонить и узнать, как там у нас дела, но я не очень-то хотел снова слышать его голос.

– Слушай, ладно, пойдем ко мне.

– К тебе?

– У меня еще дома есть текила.

– Я даже не сомневаюсь. И парочка женщин, – Ирина снова хмыкнула и шмыгнула носом.

– Да, и ты обещала мне с ними помочь. Если ты мне не поможешь, я никогда от них не избавлюсь. А ты – это просто

бесценный клад для такого, как я.

– Это почему? – моментально насторожилась она.

– Честно говоря, я не так часто встречаю женщин, которые не смотрят телевизоров, не интересуются продюсерами и влюблены в другого. Я могу смело брать тебя с собой и не бояться последствий. С тобой можно просто выпить.

– Глупость какая, – заявила она, но как-то подозрительно послушно встала и пошла за мной. Мы зашли в магазинчик на Алексеевской, где приобрели некоторое количество еды, в том числе совершенно нетипичное количество овощей и фруктов – Ирина настояла.

– А ты никогда не задумывался, что есть животных – это варварство?

– Ну да. Ты еще и вегетарианка, – я хлопнул себя по лбу, перекладывая в тележке все эти яблоки и сливы. Ирина стояла в стороне и думала о чем-то. Или о ком-то. Похоже, что она не сильно горела желанием идти с мной. Я не был ей особенно симпатичен, а голова ее была полна вселенских страданий по Петру. Но ей, видимо, было просто и банально некуда идти, а я уже не казался опасным или враждебным. У нее дома, видимо, тоже имелась своя собственная мина замедленного действия.

– Я бы не хотела, чтобы меня съели, – заметила она..

– А кто ж тебе угрожает?

– Думаешь, корова не испытывает тех же чувств, что и люди? – спросила она и снова задрала свой веснушчатый нос.

Я ничего не смог поделаться и подумал, что никогда в жизни у меня не было девочки с такими вот веснушками и натуральным, сумасшедшим рыжим цветом волос. Бабник! Доведут меня бабы! Одно было хорошо, это то, что сама Ирина не испытывала ко мне никакого интереса. Это было хорошо, но необычно и немного обидно.

– Никогда не интересовался тем, о чем думают коровы.

– Ни о чем хорошем, когда тебя ведут на убой, – заявила она, пытаясь меня напугать или усовестить. Я же демонстративно достал из холодильника самый большой кусок охлажденного мяса и закрыл глаза, якобы вдыхая его «бесподобный» аромат. Когда я открыл глаза, Ирина смотрела на меня с диким возмущением, и ее зеленые глаза горели самым настоящим огнем. Я улыбнулся и подмигнул ей.

– Ты ужасен, тебе не говорили?

– Послушала бы ты, что обо мне говорят девушки, – рассмехался я, подталкивая чуть шатающуюся (текила!) девушку в сторону касс.

– Я так понимаю, что у меня вполне могут оказаться шансы послушать, – она тряхнула головкой, и перед моими глазами снова пролетел ярко-золотой вихрь волос. Эх, что ж такое!

– С вас восемь тысяч рублей, – радостно сообщила кассирша. Я порылся в карманах. Кошелек я оставил дома, скрываясь бегством, так что жил на то, что было рассовано по карманам – не так и мало, если покопаться как следу-

ет. В заднем кармане джинсов нашлась пятитысячная купюра – хорошо. Во внутреннем кармане моего синего пиджака (классная штука) лежали сто евро, но они мне не могли помочь в простой кассе магазина. В рубашке валялось еще несколько купюр, оставшихся от прошлого похода за текилой. Я рассеянно пересчитал их и сунул кассирше. Где-то еще должна была быть кредитная карта – скорее всего, осталась в другом пиджаке. Привычка таскать деньги во всех карманах тоже появилась в «Стакане», когда вечно нужно было куда-то идти по нашим бесконечным коридорам и лестницам, и лень было таскать с собой всюду портфель. Теперь вот зато всегда можно найти средства к пропитанию, просто поковырявшись в одежде.

– Ваша сдача, – снова расплылась в улыбке кассирша. Я забрал какие-то бумажки и затолкал их обратно в карманы. Только тут я заметил, что Ирина смотрит на меня каким-то странным взглядом. Испуг напололам с изумлением.

– Что-то не так? – спросил я, но она только покачала головой. Потом все-таки решилась и спросила:

– А что тут стоило таких ужасных денег? Я на такую сумму могу месяц жить!

– Ну, это не в Москве, – заверил ее я.

– Но ты же почти ничего не купил, Григорий Александрович. Или это так дорого берут за мясо трупов?

– Мясо трупов? Фу, какие выражения! Так и будешь меня по имени-отчеству звать? – разозлился я.

– А почему нет? Ты же меня явно намного старше?

– Так и Петр тебя тоже намного старше! – возмутился я, вываливаясь из магазина. – Ты же его, небось, по имени-отчеству не зовешь.

– Вот ты гад! – моментально нахохлилась Ирина.

– Ладно, ладно, не злись. Мне просто не нравится, когда меня так зовут. Мне кажется, что меня это старит.

– А ты хочешь быть вечно молодым?

– И вечно пьяным, – кивнул я и ослабился. – Кстати, большая часть этого счета была выставлена нам за спиртное. Я всякую гадость не пью.

– Зато ты всякую гадость ешь.

– Так, хватит! Давай-ка не умничай, а двигай ножками. А то я тебя сейчас заставлю это мясо и готовить.

– Ни за что! – Ирина даже покраснела от такого предположения, что она, при каких бы то ни было обстоятельствах, будет готовить мясо. – Готовь его сам.

– Тебе никогда не говорили, что ты фотогенична?

– Даже не думай! – пригрозила она, в то время как я открывал дверь в свой родной подъезд, полный страха перед Сашей-Машей, в уходе которой я совершенно не был уверен.

– Ну, прошу, мой «текильный брат». Проходи.

– Значит, тут ты живешь, Григорий Александрович. – Ирина на секунду задержалась у порога, а потом спокойно вошла в дом, кстати, к совершенно незнакомому, по сути, мужчине, который предложил ей всего-навсего фруктовый

стол, выпивку и кров. А мало ли что, вдруг подумалось мне. А если бы я не был таким вот честным и благородным, какой я есть. А мало ли, у меня были бы какие-то другие, дурные намерения. Между прочим, не могу сказать, что их у меня вовсе нет. Во всяком случае, я получаю определенное удовольствие от одной только возможности созерцать, как естественно и порывисто движется моя Ирина, с грацией дикой кошки. Этот Петр – все-таки шельма, отхватить такую девочку и «пытаться» что-то там с женой.

Нет, я совершенно не уверен в целомудрии и честности своих намерений, но Ирина, спокойная, как вода, влилась в мой дом без тени страха и недоверия. Мне бы хотелось думать, что это оттого, что я произвожу такое вот положительное впечатление на девушек. Но все-таки должен заметить, что такое поведение – опасно, очень опасно. Мало ли кто мог оказаться на моем месте. Подумаешь, бросил вас какой-то там Петр. Нельзя же идти к кому попало в дом. Ну нельзя же быть такими дурами!

Глава 5

Она любит выпить? Этим надо воспользоваться!

Когда тебе тридцать пять, уже нет ощущения, что вся жизнь впереди и весь мир лежит у тебя под ногами. Ты уже многое повидал, уже не наивный ребенок. И знаешь, как устроен этот мир и чего хотят как женщины, так и мужчины. Ты уже умеешь не только стоять на своем, но и наступать, когда надо, на горло собственной песне. Похмелье по утрам все тяжелее, но все-таки есть некоторое внутреннее чувство, что если взяться за себя, то многое еще можно исправить и изменить. В тридцать пять ты, стоя утром перед небольшим зеркалом в ванной комнате, говоришь себе:

– А ты «еще ничего», братец, и даже местами красив.

– Это если не присматриваться при ярком свете, – отвечаешь сам себе. Нужно быть честным с самим собой.

– Ну и что. Девочкам нравится, – я пожимаю плечами и корчу рожи. Будучи продюсером, за все эти годы безмятежного вертепа, называемого телевидением, я привык к тому, что от женщин надо в каком-то смысле отбиваться. Что с ними всегда надо быть настороже, ведь они отлично вооружены и умеют пользоваться всем, что только дал им господь, всем, что затуманивает голову мужчины. Когти и белоснеж-

ные зубы, сияющие волосы и бесконечные ноги, короткие кожаные юбки и сияющие взгляды. Макияж «Smoky Eyes» против слегка подвыпившего мужчины – грозное оружие. Но и я не пальцем делан и давно освоил все приемы освобождения от любовных оков. Иными словами, лучше всего к своему возрасту я научился тому, как НЕ любить и НЕ жениться.

Никому ни до кого нет дела, и ты для них тоже – только мостик к сияющему будущему. Мостик к тем миражам, которых не существует, которых нет. Никто не становится звездой, никому не вручат «Оскара», никаких новых миллионеров, но сколько ни говори об этом, никому нет до этого дела. Все готовы запрыгнуть на тебя с разбегу и лететь дальше, к сияющим звездам. Все «наши» влюблены только в призрачные огни концертных залов и вместо слов «Я тебя люблю» мечтают услышать «Мотор». Такие девочки готовы на все, и надо признаться, это очень удобно для таких, как я. Однако после одной ночи или даже после трех недель – всегда случается момент, когда я звоню Оксане, и мы разговариваем с ней – два нормальных человека, связанных друг с другом нормальными чувствами, живыми отношениями, пусть и не теми, о которых пишут в сказках. И девушки исчезают из моего дома и из моей памяти. Некоторые из них надолго или навсегда застревают в «Стакане», большая часть разочарованно дует губки и уезжает. Некоторые выходят замуж. Я остаюсь при своих – при маме, сестренках, Оксане. Оксана меня понимает.

– Ты так часто загорался, что почти сгорел, – смеется она.

– Профессиональное выгорание, – вздыхаю я, прижимая ее к себе. – И потом, у меня слишком короткая оперативная память. Не больше, чем у пуделя, гоняющегося за палкой.

– И слишком много палок тебе бросают все вокруг, – добавляет она.

– Иногда мне кажется, что они все хотят меня съесть. Поглотить целиком, – жалуюсь я.

– Кроме меня. Ты не в моем вкусе.

– Зря ты вышла за другого, – раз за разом жалуюсь я.

– Ты бы все равно на мне не женился. Ты не женишься ни на ком и никогда. Все потому, что ты выращен тремя женщинами, ты слишком нас боишься.

– Я слишком хорошо вас знаю. Но ты неправа в одном, на тебе бы я женился, – возражал я. – Ты идеальна.

– Даже если бы и так. Не буду спорить с этим, – смеется Оксана. – Но я – идеальная еще и потому что далеко. И видишь ты меня редко. А если бы я мелькала – туда-сюда, туда-сюда... И кроме того, с чего ты решил, что это такое уж большое счастье – выйти за тебя замуж? Подумаешь, продюсер. Я на роль Милы Йовович не рвусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.